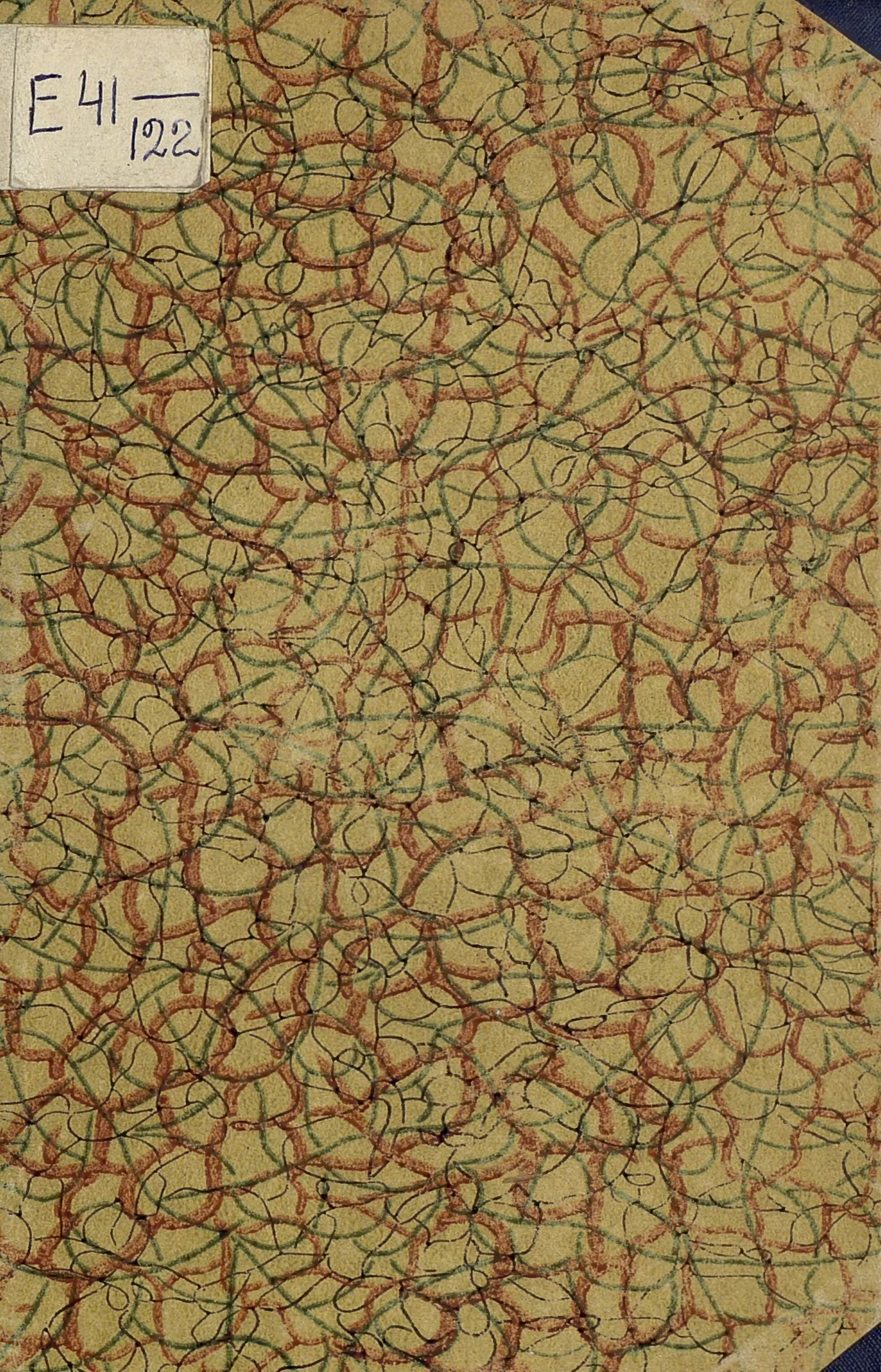

E 41
122

А. БУБНОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ Р. К. П.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

Р. К. П. и ЛЕНИНИЗМ.

Вардин, Ил. Российский пролетариат и мировая война. Ц. 16 к.

Зиновьев, Г. История Российской Коммунистической Партии (большевиков). Ц. 60 к.

Его же. Итоги XIII Съезда Партии. Ц. 7 к., на хорошей бумаге большой формат. Ц. 15 к.

Его же. Политический отчет Ц. К. Партии. Ц. 25 к.

Его же. Очередные вопросы. Наши задачи. Государство и Партия. Ц. 25 к.

Его же. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. Ц. 10 к.

Из эпохи „Звезды и Правды“ (1912—14 г.г.). Вып. III. Ц. 1 р. 35 к

Невский, В. Владимир Ильич Ленин (Ульянов). Ц. 10 к.

Программа и устав Р. К. П. (большевиков). с докладами Н. И. Бухарина ... Изд. 2-е Карм. фо...

Революц... ...и II.
1901—19... ...Ле-
пе... ...вил
Р... ...V.
Э... ...ова.
В...

Руковод... ...ние.
И...

Рютин,...

Сборни... ...0 к.

Сталин,... ...7 к.
Н...

Его же...

Троцки... ...5 к.

Ходоро... ...хся.
(1... ...ьян.
L...

Яросла... ...70—
2...

ОПТОВ... ...РЫ.

РОЗ... ...А.

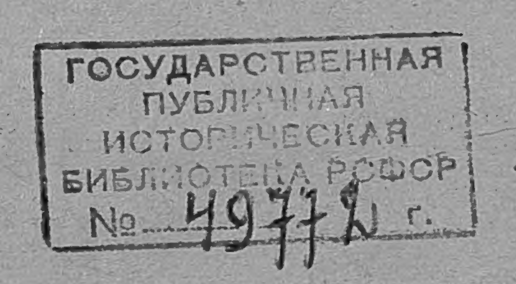
А. БУБНОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ Р. К. П.

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз № 7792. Главлит № 23845. Москва. Нап. 50.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип. Москва. Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем сборнике под общим заглавием «Основные вопросы истории Р. К. П.» собраны статьи автора на эту тему, написанные на протяжении последних лет.

«Основные моменты в развитии коммунистической партии в России» впервые были напечатаны в «Правде» в конце 1920 года, в 1921 г. эти статьи были изданы отдельной брошюрой Госиздатом, а затем много раз были переизданы рядом других издательств. В настоящем сборнике в эту брошюру внесены некоторые незначительные изменения, а в конце сделаны вставки, касающиеся истории партии за последние пять лет.

Статья «История без философии» написана заново, а все остальные были помещены в день 25-летия партии в «Правде», в «Петроградской Правде», «Рабочей Москве» и других столичных газетах.

20 июня 1924 года.

I.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ В РАЗВИТИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РОССИИ.

1. ТРИ ПЕРИОДА В РАЗВИТИИ ПАРТИИ.

На протяжении целого ряда лет партия революционного пролетариата в России называлась социал-демократической рабочей партией. Развиваясь далее, она фактически стала известна под наименованием «большевиков» — большевистской партией. После Февральской революции это название за ней укрепилось. И, наконец, после Октябрьской революции партия приняла название коммунистов-большевиков — «Российской коммунистической партии (большевиков)».

История коммунистической партии в России от ее зарождения до настоящего времени прошла три основные момента:

Первый — создание социал-демократической партии, как пролетарской партии, ставящей себе «ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой».

Второй — возникновение и развитие большевизма: борьба внутри с.-д. партии и рабочего движения двух тенденций, двух направлений, двух партий — революционной пролетарской и оппортунистической мелко-буржуазной, т.-е. подготовление элементов коммунистической

партии, как партии, ставящей своей непосредственной задачей борьбу за социализм.

И, наконец, *третий* момент — образование коммунистической партии, борющейся за власть и строящей пролетарское государство.

В соответствии с этим развитие партии делится на *три периода.* Первый период берет свое начало во второй половине 70-х годов («Южно-русский рабочий союз» и «Северно-русский рабочий союз») и заканчивается II с'ездом российской с.-д. рабочей партии (в 1903 г.). Это путь от рабочего кружка, только еще начинающего освобождаться от народнической теории к с.-д. рабочей партии.

Второй период обнимает собой время от 1903 г. по 1917 г., в течение которого революционный пролетарский авангард в жесточайшей борьбе с меньшевизмом, ликвидаторством и социал-шовинизмом отстоял основы революционного социализма и в теории, и в практике движения, создал партию «большевиков» — большевистскую партию, — тем самым подготовил образование коммунистической партии и обеспечил победу рабочего класса над буржуазией в октябре 1917 года.

Третий период начинается после Февральской революции 1917 г. и продолжается по настоящий день. В течение его образовалась коммунистическая партия, сначала ведущая непосредственную борьбу за власть, а затем, после Октября, строящая советское государство.

2. ОТ РАБОЧЕГО КРУЖКА К СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (пол. 70-х г.г. — 1903 г.).

Революционная пролетарская партия росла вместе с развитием рабочего движения. В течение десятилетий русский рабочий вел упорную борьбу с царизмом—этим отвратительнейшим пережитком старого до-капиталисти-

ческого порядка. В условиях этой борьбы и складывалась социал-демократическая партия. И чем глубже и правильнее понимал рабочий класс конечную цель своей борьбы; чем яснее усваивал он в практике массовых, в начале стихийных, неорганизованных столкновений со своими классовыми врагами — капиталистами и помещиками — связь политической свободы с борьбой за социализм; чем нагляднее вскрывалась перед рабочей массой необходимость для успешности этой борьбы—создания массовой всероссийской рабочей организации, — тем резче оформливался остов пролетарской партии, тем быстрее складывалась, росла и крепла социал-демократическая партия.

Бросая взгляд назад, на историю нашей партии, в настоящее время можно утверждать, что социал-демократическая партия в России зародилась в рабочих кружках второй половины 70-х годов. В то время рабочий класс был еще очень малочислен и слаб, распыленный по огромной стране, зажатый в тисках варварской эксплоатации российских Тит Титычей, забитый отвратительным режимом царизма, русский рабочий еще не мог сознательно и организованно вести борьбу с царем, помещиком и капиталистом; против гнета и бесправия выступали тогда лишь незначительные группы интеллигенции — студентов, врачей, учителей и т. д. Эти группы интеллигентов-народников рассчитывали исключительно на силу крестьянства; думали, что из хозяйственного уклада крестьянской жизни может вырасти социализм; они не понимали значения политической свободы для борьбы за социализм, они надеялись сразу, одним махом, избавиться от всякого гнета, свалить и экономическое рабство, и варварский царизм. Но, по словам Г. Плеханова, «идя к рабочим, не то, чтобы против воли, а, так сказать, *против теории*», и, не умея раз'яснить рабочему,

«в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария», интеллигенты-народники помогали рабочим организовываться и, тем самым, тоже против своей воли, помогали им «додумываться собственным умом» до постановки и разрешения таких задач, которые, будучи разрешены рабочими по-своему, «ужаснули всех правоверных интеллигентов»...

В рабочих кружках, организованных народниками, всегда смутно бродило недовольство такими взглядами, всегда проскальзывало стремление додуматься до понимания целей и способов борьбы, которые вывели бы рабочую массу из невыносимо тяжелых условий экономического гнета, бесправия и произвола. С наибольшей силой и яркостью обнаружилось это в созданной столяром Степаном Халтуриным и слесарем Обнорским в Петербурге в 1878 г. самостоятельной рабочей организации, названной ими «Северно-русским рабочим союзом». Об'единив отдельные рабочие кружки, организованные народниками-землевольцами, «Северно-русский рабочий союз» стремился к созданию всероссийской рабочей организации. Вожаки союза прекрасно понимали значение массовой организации для успешного ведения борьбы; они решительно разорвали с народническим предрассудком о ненужности политической свободы и стали на ту точку зрения, что для борьбы за социализм прежде всего нужна политическая свобода, которая обеспечивает рабочей массе возможность организоваться и укреплять свою сознательность.

И если рабочий Петр Алексеев в своей речи на суде в 1877 г. засвидетельствовал глубочайшее убеждение пролетария в грядущей великой роли рабочего класса, а его сопроцессник, ткач Семен Агапов, заявил на суде же, что цель его пропаганды заключалась «в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции», то Степан

Халтурин уже создает чисто рабочую организацию и ясно понимает ее значение в освободительной борьбе рабочего класса, как «оплота», дающего «рабочему населению» «ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы» (см. программное воззвание союза «К русским рабочим»).

Если бы была надобность в том, чтобы отыскать предшественников коммунизма в России, то одним из них и, пожалуй, крупнейшим, следовало бы назвать Степана Хартурина и его «Северно-русский рабочий союз».

Эта первая самостоятельная рабочая организация возникла на почве первого массового всплеска рабочего движения. И хотя рабочее движение того времени развернулось довольно быстро, оно носило еще оборонительный стихийный характер, свидетельствовало о слабости, распыленности, малой сознательности рабочего класса. Не было еще и ясности в понимании путей и способов борьбы, которые могут привести пролетариат к свержению капиталистического ига. Все это и отразилось на «Северно-русском рабочем союзе».

Он распался, а его первейший руководитель, Степан Халтурин, вопреки своей программе, ушел от массовой организации к единоличным способам борьбы — в террор. Однако же, можно утверждать, что рабочая струя в народничестве 70-х годов нашла свое завершение именно в «Северно-русском рабочем союзе» и, одновременно с этим, именно здесь следует искать первых истоков революционной пролетарской партии в России; здесь зародилась социал-демократическая партия. Но, в то время, в конце 70 годов, в России не было ни развитого капитализма (он делал лишь свои первые шаги), ни организованного рабочего движения (оно носило неорганизованный, стихийный характер), ни выработанной в практике своей борьбы проверенной, научной революцион-

ной теории (она еще не могла освободиться от понятий «самобытного» интеллигентско-крестьянского социализма), а потому и не могла родиться, возникнуть социал-демократия. В то время могли быть, и действительно были, намеки на возможность в дальнейшем развитии борьбы возникновения классовой партии российского пролетариата, но самой партии не было и быть не могло.

Социал-демократия возникла в России в 90-х годах, а оформилась и сложилась в с.-д. рабочую партию в 900-х годах, когда под'ем капитализма на высшую стадию создал базу для широкого организованного размаха рабочего движения, для распространения и победы над мелкобуржуазным народничеством теории марксизма. Путь от 70-х годов к 90-м лежал через 80-е годы и группу «Освобождение Труда».

Эта группа, которую образовали в 1883 г. в Швейцарии несколько бывших революционеров-народников — Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч и В. Игнатов,— продолжала дело «Северно-русского рабочего союза».

Восьмидесятые годы были годами промышленного застоя (1882 — 1887 г.г.), аграрного кризиса (падение хлебных цен) и реставрации крепостного режима. Реакция царила безгранично. Рабочее движение по своему основному характеру являлось продолжением стихийного движения второй половины 70-х годов. На этой почве развернулось окончательное банкротство народничества.

В начале 80-х годов самодержавное правительство разгромило партию «Народной воли». После этого народничество уже не смогло подняться и собрать свои разбитые в бою силы. Более, чем когда-либо, стало ясно, что неудачи, разгром, распад народничества не случайность, что они свидетельствуют о бессилии народничества, о непонимании им настоящих, действительно правильных путей и способов борьбы с гнетом и бесправием.

Этот опыт революционного движения предыдущего десятилетия и был учтен основателями группы «Освобождения Труда». В своем проекте программы, составленном в 1887 г. и напечатанном в 1888 году, группа окончательно освободилась от основных народнических положений и целиком приняла основы программы научного социализма. Задачу свержения самодержавия группа выдвинула, как свою очередную главную задачу. Она твердо провозгласила положение, что освобождение рабочих должны быть делом самих рабочих, что руководящую роль в грядущей революции может и будет играть рабочий класс, что главным средством борьбы является массовое движение, а террористические действия могут сыграть лишь подсобную роль в момент решительного натиска на самодержавно-крепостническое правительство.

«Народная воля» была агонией социализма 70-х годов,—говорит М. Н. Покровский (в 4-м томе «Русской истории»). Агония эта началась полнейшим крахом «хождения в народ» крупнейшей более чем неудачей «единственной попытки массового движения» (Чигиринское дело), а закончилась разгромом «Народной воли» и распадом народовольчества.

На истории группы «Освобождение Труда» можно наблюдать последнюю стадию изживания шатаний, заблуждений и бессилия интеллигентского народничества и дальнейшее развитие заветов рабочих групп в «самобытном» социализме 70—80-х годов. Для этого нужно лишь сравнить два проекта программ группы «Освобождения Труда» (1884 и 1887 г.г.). Оба проекта почти в одинаковых выражениях формулируют основные положения социал-демократии. Общи для обоих проектов как требование прямого народного законодательства, так и пункт о государственной помощи производительным ассоциациям. Но имеются в них и крупные различия, сви-

детельствующие об эволюции взглядов самой группы. В проекте 1884 года чуть ли не первенствующее значение признается за «социалистической интеллигенцией», тогда как проект 1887 г., почти целиком устраняя пункты об интеллигенции, резко выдвигает положение, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Помимо этого, в проекте 1884 года твердо заявляется, что группа «признает необходимость террористической борьбы против абсолютизма», а проект 1887 г. в том месте, где говорится об «общем решительном нападении» на правительство, добавляет лишь, что при этом рабочие революционные организации «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы».

Таким образом, группа «Освобождение Труда», изживая и отбрасывая последние пережитки народничества, заканчивала целый период исканий и борьбы, характерных для рабочих кружков и революционных организаций предыдущего десятилетия. В то же время своей работой она заложила прочный теоретический фундамент для революционной пролетарской партии и в этом смысле является родоначальницей социал-демократии в России. Но группе «Освобождение Труда» не удалось сыграть роль практического организатора—для этого не было достаточно подходящих условий. Восьмидесятые годы были годами промышленного застоя и самой разнузданной, черной реакции. Рабочее движение было очень слабо.

На-ряду с группой «Освобождение Труда», существовавшей за границей, во многих промышленных центрах возникали и под ударами правительственных репрессий исчезали отдельные социал-демократические кружки, по своим основным взглядам подобные «группе». Первой по времени образования была Благоевская группа в Петербурге (в 1883 г.), которая была связана с группой «Осво-

бождение Труда». Все они были очень невелики, связь их с рабочими была очень часто весьма непрочна, но в общей своей массе эти кружки являлись уже вполне оформившимися зародышами будущей социал-демократической партии. Слабый размах и стихийный характер рабочего движения этого времени отражались на ходе зарождения социал-демократической партии: он развертывался с чрезвычайной медленностью. Таким образом, в 80-х годах налицо имелись условия для зарождения социал-демократии, но не было еще всех необходимейших предпосылок для ее рождения. Это произошло в последующие десятилетия в эпоху 90-х годов.

В первую половину этого десятилетия развертывается кропотливая работа по созданию с.-д. рабочих кружков. Она ведется и в Петербурге, и в Москве, и в Иваново-Вознесенске, и в Туле, и в Н.-Новгороде, и в Киеве, и в Минске, и в Одессе. В то же время сторонники учения Маркса вступили в открытый теоретический бой с народничеством и нанесли ему ряд тягчайших ударов (1894 — 1895 г.г.). В широких кругах революционной молодежи обозначился резкий перелом в сторону марксизма.

Голод 1891 года ухудшил положение рабочей массы и толкнул ее на борьбу, и в начале 90-х годов уже развертывается широкое стачечное движение. Наступивший после кризиса гигантский экономический под'ем, сопровождавшийся быстрым численным ростом крупных фабрик, грандиозным строительством железных дорог и развитием промышленных центров, создал почву для небывалого еще размаха рабочего движения.

Широкое организованное стачечное движение охватывает крупнейшие города во всех концах России: Петербург, Москву, Иваново-Вознесенск, ряд городов в Польше, Северо-Западном крае, Прибалтике и на юге России.

Если за трехлетие 1878 — 1880 г.г. имелись данные о 29 стачках с 35 тыс. участников, если за шестилетие 1881 — 1886 г.г. количество стачек (о которых имелись сведения) выражалось числом 40, а число стачечников — 80 тысяч, то за шестилетие (с 1895 по 1899 г.г.) число стачечников дошло до цифры свыше 450 тысяч, при чем за 1896 — 1897 г.г. стачками было захвачено свыше 170 тысяч рабочих.

Создаются условия, при которых с.-д. работа начинает расти и шириться; от кропотливой пропагандистской работы в кружках она переходит к агитации среди масс. Отдельные с.-д. рабочие кружки начинают об'единяться, и постепенно в ряде городов создаются довольно крупные для того времени социал-демократические организации, постепенно связывающиеся с массовым рабочим движением. В 1895 г. создается в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1897 г. в Москве, Киеве и Екатеринославле оформливаются с.-д. организации такого же типа. В то же время возникают и оформливаются так называемый «Бунд» («Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше и Литве» в 1897 г.) и «Союз русских социал-демократов» за границей (в 1895 г.), в который вступает и группа «Освобождение Труда». Задача об'единения всех с.-д. организаций в социал-демократическую партию выдвигается как очередная задача.

В 1898 г. в Минске собирается 1-й партийный с'езд. На нем были представлены петербургский, московский, киевский и екатеринославский «Союзы борьбы», «Бунд», и «Рабочая газета». Первый с'езд выпустил «Манифест российской социал-демократической рабочей партии», разрешил ряд организационных вопросов и избрал центральный комитет. Он положил основание социал-демократической партии, но партии не создал. Немедленно

же по окончании с'езда избранный им центральный комитет был разгромлен, и многие делегаты были арестованы киевским жандармом Новицким. Создать фактическое об'единение социал-демократических групп и кружков в единую всероссийскую социал-демократическую организацию не удалось.

Но препятствия к созданию партии лежали не только в этом. В то время (1897 — 1900 г.г.) среди социал-демократов возникло и укрепилось особое течение, получившее название «экономизма». Сторонники этого направления отрицали необходимость постановки задачи борьбы с самодержавием, как очередной ближайшей задачи рабочего движения; они проповедывали, что перед русским рабочим ввиду его несознательности, надо ставить лишь такие задачи, которые лежат в плоскости его повседневных экономических нужд. В соответствии с этим «экономистам» фактически не нужна была единая централизованная политическая организация пролетариата — самостоятельная пролетарская партия; они крепко отстаивали кружки и кассы, на деле держались раздробленной кустарнической организации.

Наиболее откровенные из «экономистов» договаривались, как известно, до отрицания возможности образования в русских условиях самостоятельной рабочей партии, проповедывали положение: рабочим — экономическая борьба, либералам — политическая, т.-е. фактически скатывались к подчинению рабочего движения влиянию буржуазного либерализма.

Для создания революционной соц.-демократической партии надо было разбить «экономизм», вытеснить его из социал-демократических организаций. В об'явлении группы «Освобождение Труда» (в 1899 г.) эта задача была формулирована так: «борьба с ними (т.-е. с экономистами. *А. Б.)* — это борьба за существование социал-демократии

в современной России». Борьба с «экономизмом» была борьбой за революционную классовую партию пролетариата. Она была теснейшим образом связана с преодолением кустарничества, кружковщины и организационного разброда, с борьбой за создание централизованной с.-д. рабочей партии. В этом была коренная, насущная задача времени. Она была осуществлена в начале 900-х г.г. И если в атмосфере победоносной схватки марксизма с народничеством и массового организованного экономического рабочего движения произошел переход от кружковой пропагандистской работы к широкой массовой агитации и к созданию таких с.-д. организаций, как «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса»; если на 1-м с'езде в 1898 г. было было положено основание российской социал-демократической рабочей партии, то образование ее относится к последующему периоду, к началу 900-х годов.

Громадная работа в деле образования партии была проделана группой «Искра». Эта группа организовалась за границей в конце 1900 г. Она основала газету «Искра», в состав редакции которой входили: Г. Плеханов, П. Аксельрод и В. Засулич (члены группы «Освобождение Труда»), а также Н. Ленин, Мартов и Потресов. Группа «Искра» поставила перед собой задачу собирания всех революционных социал-демократических сил. Она это делала не только путем кропотливой трудной работы по созданию в промышленных центрах социал-демократических организаций и по подготовлению их об'единения в единую сплоченную централизованную партию, но и путем беспощадной борьбы со всякими колебаниями и прежде всего с той вредной путаницей, которую вносил в рабочее движение «экономизм». Газета «Искра» и журнал «Заря» сыграли громадную роль в деле образования социал-демократической партии и подготовке 2-го партий-

ного с'езда. «Искра» отзывалась на все крупнейшие события русской жизни, она неуклонно выдвигала на первый план политические задачи социал-демократии, беспощадно разоблачая мелко-буржуазную соглашательскую сущность «экономизма».

«Заря», первый номер которой вышел в 1901 году, вела неустанную теоретическую борьбу с различными либерально-соглашательскими попытками исказить революционную теорию Маркса, вышелушить из нее революционное содержание.

Могучий размах массового революционного рабочего движения начала 900 годов создавал для этой работы благоприятнейшую почву. 1900 — 1902 годы ознаменовались жестоким промышленным кризисом, который высоко поднял волну рабочего движения, прокладывающего себе путь в условиях самодержавно-полицейского режима. Стачки этих годов сплошь и рядом принимали политический характер, рабочая масса выходила на улицу и с красными знаменами демонстрировала свою решимость до конца бороться с царизмом. Гигантский размах приобрело стачечное движение в 1902 году в Ростове-на-Дону, а также в 1903 г., когда в целом ряде крупнейших центров юга России развернулась всеобщая забастовка уже не десятков, а сотен тысяч рабочих. В движение этого времени, особенно в политические уличные демонстрации, были втянуты и широкие массы революционной учащейся молодежи. На протяжении 1901 и 1903 годов развернулось и крестьянское движение (особенно в Полтавской и Харьковской губерниях). Зашевелились и либералы, — в 1902 г. выходит за границей орган либералов «Освобождение», в 1903 году, опять-таки за границей, происходит с'езд «освобожденцев».

В такой обстановке работа «Искры» стала быстро давать положительные результаты. Постепенно ей удалось

завоевать перевес в социал-демократических организациях в России. Организационная работа по подготовке партийного с'езда быстро подвигалась вперед. В 1903 г. был созван за границей (сначала в Брюсселе, а потом в Лондоне) 2-й с'езд российской социал-демократической рабочей партии, на котором присутствовало 43 делегата с решающим и 14 с совещательным голосом. С'езд выработал и принял программу партии, создал устав партии, заложил основы тактической линии российской социал-демократии. На нем была завершена борьба с кустарничеством и организационной раздробленностью, кружки и группы исчезли, растворились в едином целом — пролетарской партии.

Борьба против кружковщины за единую централизованную партию на с'езде принимала нередко чрезвычайно резкие формы и сопровождалась такими эпизодами, как уход со с'езда и выход из партии «Бунда». Несмотря на это «искровцам» удалось одержать полную победу над всеми элементами кустарничества, разброда и мелкобуржуазных шатаний. «Искра» создала партию» — скажем мы словами одного из делегатов с'езда. В это же время, в начале 900-х г.г., «Искре», как авангарду образующейся партии, пришлось начать борьбу с интеллигентской партией социалистов-революционеров. Эта партия продолжала заветы народничества, в крестьянских массах пыталась она найти опору своим мещанским, якобы социалистическим вымыслам. Но, принужденная считаться с «духом времени», эта партия мелко-буржуазного социализма шла в рабочее движение. Проповедью террора, аграрной программой, построенной на мелкособственнической «уравнительности» и заигрыванием с оппортунистической «критикой» революционной теории Маркса, социалисты-революционеры вносили путаницу и разврат в рабочее движение. Борьба «Искры» с этой

партией мелко-буржуазной революционности внутри рабочего движения была одним из условий, в которых складывалась и закалялась партия революционного пролетариата в России.

В течение около тридати лет русский рабочий класс напряжением всех сил, неустанной тяжелой борьбы выковывал древко для своего боевого красного знамени, которое он и развернул над стройными рядами своей пролетарской партии. От рабочих кружков, организуемых народниками во второй половине 70-х годов, от «Северно-русского рабочего союза» — этой первой самостоятельной рабочей организации, через группу «Освобождение Труда» 80-х годов, через «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и 1-й с'езд социал-демократических организаций России — к «Искре» и 2-му с'езду партии — так шел путь от рабочего кружка к социал-демократической партии. Создание социал-демократии, как пролетарской партии, ставящей себе «ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой», — таков был великий результат рабочего движения трех десятилетий.

Этим был сделан первый шаг по пути образования коммунистической партии в России. Социал-демократия явилась завершением многих лет революционной работы и борьбы, начавшейся со второй половины 70-х годов; одновременно с этим она является не чем иным, как зародышем будущей коммунистической партии, первым периодом в ее развитии.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (1903 — 1917 г.г.).

2-й с'езд закончивший процесс образования социал-демократической партии, в то же время положил начало борьбе внутри партии и рабочего движения двух течений,

двух направлений, в сущности говоря, двух партий,— соглашательской мелко-буржуазной, с одной стороны, и революционно-пролетарской, с другой. Первая известна под названием «меньшевистской» (меньшинство на 2-м с'езде), вторая — «большевистской» (большинство на 2-м с'езде). И хотя обе они на протяжении указанных пятнадцати лет нередко существовали в рамках единой организации, но почти все время они были оформлены, как фракции; имели каждая свои руководящие центры, свои отдельные денежные кассы и свои собственные печатные органы. Разногласия среди русских социал-демократов существовали, как мы видели, и раньше, но только с образованием партии, с 1903 года начинают они приобретать постоянный и все более и более глубокий характер. «Меньшевики» и «большевики»,—разногласия между ними обнаружились на 2-м с'езде,—а затем в течение пятнадцати лет они все более и более оформлялись и углублялись.

Теперь, после опыта последних трех лет борьбы, все знают, что меньшевики — это мелко-буржуазная контр-революционная партия, оказывавшая поддержку и фактическое содействие генеральской контр-революции. Но нужно было пройти долгим годам, прежде чем, скатываясь со ступеньки на ступеньку, меньшевики не оказались в одном лагере с бывшими царскими генералами и не обнаружили своей доподлинной физиономии. Вот это постепенное обнаружение контр-революционной сущности мелко-буржуазного меньшевизма и происходило в течение 1903—1917 г.г. Путь этого обнаружения таков: в 1903—1907 г.г. — в предреволюционные и революционные годы меньшевики развернули в полной мере свои взгляды на все важнейшие организационные и политические вопросы, доходя до тактики, которая фактически вела к отказу от гегемонии рабочего класса. Затем в годы реакции (в 1908 — 1910 г.г.) они отреклись от нелегальной револю-

ционной пролетарской партии и превратились, как их тогда стали называть, в ликвидаторов, чтобы в 1914—1917 г.г. скатится до прямой поддержки грабительской войны, стать социал-шовинистами.

Большевистская партия складывалась, развивалась и завоевывала рабочие массы в ходе непрерывной борьбы с меньшевизмом, ликвидаторством и социал-шовинизмом. В этой борьбе партия, складываясь, как партия большевиков, тем самым выковывала основы коммунистической партии. Вождем ее был В. И. Ленин.

Разногласия между «большевиками» и «меньшевиками» начались с организационных вопросов. На II с'езде партии и в борьбе после с'езда эти разногласия оформились в полной мере.

Прения на с'езде развернулись вокруг вопроса о § 1 устава партии. Проект тов. Ленина, кроме признания программы и материальной поддержки, требовал от члена партии «*личного участия* в одной из партийных организаций», а проект Мартова ограничивался лишь тем, что член партии оказывает ей «регулярное *личное содействие* под руководством одной из ее организаций». Таким образом, дело шло о том, как строить партию.

«Меньшевики» во главе с Мартовым думали, что нужно строить партию таким образом, чтобы она была широкой и доступной не только для рабочих, но и для интеллигентов. Они не требовали от каждого признающего себя социал-демократом обязательного участия в одной из партийных организаций. В то же время они побаивались сильных обладающих большими правами и полномочиями партийных центров. Большевики же во главе с Лениным отстаивали сплоченную выдержанную централизованную партию. Партия, говорили они, должна включить в свой состав только действительных социал-демократов; нужно не облегчать, а затруднять доступ в партию

колеблющимся одиночкам-интеллигентам; нужно, чтобы партия не на словах, а на деле могла контролировать всех членов; для этого нужно, чтобы член партии был обязательно членом организации. Партия, говорили большевики, чтобы быть сильной, должна быть централизованной, иметь действительно полномочные центры.

Г. Плеханов боролся на с'езде вместе с т. Лениным против мартовского проекта, отстаивал ленинскую формулировку § 1 устава; он говорил, что рабочим «не страшна дисциплина», что из-за нее «побоятся войти в партию многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом», что «проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию» и что «уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма» (см. протоколы, стр. 245—246). И именно в таком настроении нашей партии лежал залог ее гранитной крепости. Нам теперь, в настоящее время, ясно, что только так организованная партия могла повести массы к победе над буржуазией в октябре 1917 г. и выдержать в течение трех лет натиск мирового империализма. Но тогда, семнадцать лет тому назад, очень многим казалось, что организационные споры большевиков с меньшевиками не стоят выеденного яйца. Теперь вполне ясно, что большевики в 1903 и последущие годы боролись за такое устройство партии, которое обеспечивало бы ей действительно революционный пролетарский характер. Основы большевистских взглядов на такое устройство партии были развиты В. И. Лениным в замечательной брошюре «Что делать», изданной за границей в начале 1902 года.

На 2-м с'езде обнаружились разногласия и по вопросу об отношении к либералам. Большевики выдвигали на первый план, что надо разоблачить контр-революционную

сущность буржуазного либерализма, а меньшевики пытались определить те условия, на которых с либералами можно заключить соглашение, и к нему, к такому соглашению, стремились. И несомненно, что здесь в зародыше заключено все последующее поведение меньшевиков по отношению к кадетской партии, к созываемым царским правительством Государственным Думам и т. д.

В полной мере контр-революционность этой тактики обнаружилась после Февральской революции 1917 г., когда меньшевики на деле заключили соглашение с буржуазией, действовали в союзе с ней, открыто разорвали с поднимающимся на борьбу за власть советов рабочим и беднейшим крестьянином и тем самым превратились в явных изменников делу социализма. Теперь для нас ясно, что многолетняя борьба большевиков против таких взглядов закалила партию, учила массы правильной революционной тактике и тем самым подготовляла одно из главнейших условий великой октябрьской победы.

После 2-го с'езда борьба между большевиками и меньшевиками приняла самые резкие формы, образовались две самостоятельные организации, имевшие свои руководящие центры, издательства и т. д. На с'езде «большевики» были в большинстве, но в последующие годы это большинство в партии приходилось завоевывать очень упорной борьбой. Большевики боролись за созыв партийного с'езда, которому всячески препятствовали меньшевики. 3-й с'езд был созван весной 1905 г. Меньшевики не захотели участвовать на нем и устроили свою меньшевистскую конференцию. Большевистский с'езд и меньшевистская конференция в своих постановлениях полностью развили свои взгляды на все важнейшие вопросы партийного строительства и массовой революционной борьбы. А эта массовая революционная борьба уже развертывалась на улицах городов России. Если 1901—1903 годы были пе-

риодом непрерывно растущего революционного движения, то с 9-го января 1905 года это движение превратилось в революцию. Все классы и группы вышли на открытую арену решительной массовой схватки. Дело шло к вооруженному восстанию против царизма. Своеобразие условий, при которых развертывалась эта борьба классов, определяло особенности буржуазно-демократического переворота в России.

Несмотря на общую экономическую отсталость России (в 1900 г. доход на душу населения всего лишь 67 руб.,— в 3 раза менее, чем в Германии,—например, крупный капитализм в ней достиг в первое пятилетие XX столетия весьма значительного развития — в 1902 г. заводов-гигантов свыше 5.000 рабочих насчитывалось 35, с общим числом рабочих в 207 тыс., в одном Петербуге их было 14 с 132 тыс. рабочих т.-е. больше, чем во всей Германии)... Таким образом, перед революцией 1905-1907 г.г. в России имелся относительно многочисленный, сплоченный на крупнейших предприятиях рабочий класс. Одновременно с этим российская буржуазия зависела, главным образом, от заграничного капитала и самодержавно-крепостнического правительства, что обусловливало ее слабость и дряблость. Многомиллионное же крестьянство страны находилось в полукрепостнической зависимости от помещика. В силу всего этого борьба против самодержавно-крепостнического правительства развертывалась в весьма своеобразной обстановке, и революционной партии пролетариата, которая в тому времени вполне оформилась, приходилось намечать тактику в невиданно-сложных условиях. Приходилось вести борьбу и против самодержавия крепостнического государства, и против предательской либеральной буржуазии, а внутри рабочего движения приходилось бороться с вреднейшим влиянием мелкособственнической соглашательской партии социалистов-револю-

ционеров, умея в то же время держать с ними единый фронт в деле борьбы с царским самодержавием.

Партии пролетариата надо было дать ясные, точные ответы на вопросы: с кем итти борющемуся пролетариату, кто его союзники, и как итти, какие способы борьбы являются наиболее целесообразными?

Большевики говорили, что только союз пролетариата с крестьянством может сбросить царское самодержавие. Они твердо и последовательно стояли за вооруженное восстание, говоря, что довести революцию до конца в состоянии лишь революционный союз рабочего и крестьянина, что, свергнув вооруженной рукой царизм, отбросив буржуазию, этот союз создаст временое правительство, которое явится революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Они утверждали, что чем решительнее будет победа над царизмом, тем шире расчистит пролетариат дорогу для борьбы за социализм. Меньшевики проповедывали союз с буржуазией. Они кричали караул при одной мысли, что рабочие с крестьянством могут взять власть в свои руки. Большевикам пришлось в течение 1905—1907 г.г. вести борьбу против этих меньшевистских взглядов, которые выступали наружу при решении всех вопросов: и о Государственной Думе, и о тактике с.-д. фракции в Госудаственной Думе, и о вооруженном восстании, и об аграрной программе и т. д. Меньшевики тянули к соглашению с либеральной буржуазией, проповедывали единый фронт всех оппозиционных партий; большевики же проводили тактику «левого блока», стремясь вырвать все партии революционной мелкой буржуазии, связанные в той или иной мере с крестьянством, из под влияния буржуазного либерализма. Одновременно с этим большевики оказывали постоянное сопротивление меньшевистским планам создать «широкую рабочую партию» и тем самым разрушить революционную выдержан-

ность, сплоченность и крепость революционной партии пролетариата. В этой борьбе большевики укрепляли свои ряды и воспитывали в боевом духе массы рабочего класса.

Уже в начале 1915 года перед пролетарским авангардом встал во весь свой рост вопрос о временном правительстве, т.-е. вопрос о революционной власти. В решениях этого вопроса, данных 3-м с'ездом (большевистским) и 1-й общерусской конференцией (меньшевистской), обнаружились в полной мере глубочайшие разногласия между большевиками и меньшевиками, обнаружилась доподлинная натура меньшевизма.

3-й с'езд встал на ту точку зрения, что временное правительство победившей революции должно быть революционной властью, немедленно осуществляющей программу-минимум и беспощадно подавляющей всякие контрреволюционные попытки, т.-е. должно явиться органом революционной диктатуры. Меньшевики же на своей конференции решительно отказались от такой постановки вопроса; они выступали против захвата власти рабочим классом совместно с крестьянином, отводили пролетариату лишь роль «крайней оппозиции», т.-е. отказывались от осуществления революционной диктатуры. В их резолюции содержалась одна замечательная формулировка, вскрывавшая полный отказ от действительного марксистского взгляда на государство. Говоря о задаче «ликвидации всего сословно-монархич. режима», резолюция меньшевистской конференции утверждала, что временное правительство должно будет осуществлять эту задачу, «*регулируя* взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации». Таким образом, здесь меньшевики полностью скатились к формуле, что «государство есть прежде всего организация порядка» (дана П. Струве в 1894 г. в книге «Критические заметки к во-

просу об экономическом развитии России»). Революционные марксисты утверждали, что государство есть орган классового господства, классового насилия; мелкобуржуазные оппортунисты, будущие контр-революционные соглашатели, меньшевики уже в 1905 году отказались от этого взгляда, уже тогда государство рассматривалось ими, как «регулятор», а не как орган классового насилия. На этом отказе, в сущности говоря, и базировалась вся их тактика в революции 1905—1907 г.г.

Следует отметить, что в первую русскую революцию рабочий класс создавал свои Советы. И меньшевики уже тогда обнаружили полное непонимание того, что такое Советы. Они видели в них лишь «беспартийные пролетарские организации». Большевики же расматривали Советы, как органы власти.

В 1906 году на Стокгольмском с'езде большевики, формально об'единившись с меньшевиками, оказались в меньшинстве. В 1907 г. на Лондонском с'езде, на котором были и большевики и меньшевики, первым удалось добиться большинства. За время революции партия чрезвычайно выросла: на Лондонском партийном с'езде были делегаты от 150 тысяч членов партии. На с'езде были представлены вошедшие в Р. С.-Д. Р. П. — Бунд, польская с.-д. и латышская с.-д. Борьба между меньшевиками и большевиками, формально об'единенными в это время в одну партию, не прекращалась, а наоборот, становилась все более и более обостренной.

В годы реакции они разошлись, чтобы более уже никогда не сходиться.

Царскому самодержавию удалось раздавить первую русскую революцию. Оно сделало некоторые уступки буржуазии и задушило героическое сопротивление рабоче-крестьянских масс. Наступили тяжелые годы кровавой реакции. Революционную борьбу приходилось вести в но-

вой обстановке, в условиях господства помещика-крепостника, делающего еще один шаг по пути превращения самодержавно-крепостнического государства в буржуазную монархию. Большевики остались на своем боевом посту. Меньшевики покатились дальше по наклонной плоскости; они заявили, что революция закончилась, что надо бросить революционную подпольную партию, организоваться открыто, выбросить вон все революционные требования нашей программы.

Их программа была программой «разрушения классовой самостоятельности пролетариата». За это они и получили название «ликвидаторов».

В декабре 1908 г. на всероссийской партийной конференции и в январе 1910 года на пленуме Центрального Комитета большевиками были сделаны последние попытки об'единиться с меньшевиками на основе нашей старой революционной программы. Из этого ничего не вышло. Меньшевики на деле не отказались от своих ликвидаторских взглядов. В трудной обстановке пришлось большевистской партии собирать свои ряды. Им пришлось нелегальную революционную работу партии приспособлять к новой обстановке борьбы,—оставаясь в подполье, сохранять связь с массами пролетариата. Им пришлось вести непрерывную беспощадную борьбу с ликвидаторами, постоянно пытавшимися сбить с правильного пути передовой пролетарский отряд и посеять смуту в широких рабочих массах.

«Ликвидаторы,—писал тов. Ленин в 1913 году,—это—мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду. Ликвидаторы — изменники марксизма и изменники демократии». В той же статье он говорит: «Ликвидаторство не есть только оппортунизм... Ликвидаторство есть такой оппортунизм, который доходит до отреченяи от партии» (обе

цитаты см. сб. «Марксизм и ликвидаторство», ч. II, ст. ст. 3 и 9).

Борьба большевиков за классовую пролетарскую партию в эти годы была чрезвычайно трудной и упорной, так как в самих большевистских рядах наблюдались колебания: имели место «примиренческие» настроения (большевики-примиренцы), имело место выделение из большевизма особого направления, так называемого «отзовизма» (оформился в конце 1908 года), в дальнейшем об'единившего все оттенки этого типа (отзовизм, ультиматизм) в газете «Вперед» (в 1909 г.). Большевикам-ленинцам приходилось бороться с ними, как с «ликвидаторством слева». Ибо впередовцы фактически отказывались от использования думской трибуны, разных открытых рабочих организаций (профсоюзов, клубов, различных с'ездов и пр.), и тем самым тянули партию на такой путь, где она неизбежно бы отрывалась от массы и превратилась бы в кучку заговорщиков.

С 1910 г. начинается оживление в рабочих массах. В январе 1912 г. за границей состоялась конференция большевистских организаций, которая была об'явлена общепартийной; был избран Ц. К., редакция Ц. О. и представитель в международное социалистическое Бюро; этим был завершен процесс организационного оформления большевистской партии.

В марте 1912 г. ликвидаторы обединяют вокруг себя все небольшевистские элементы (от ликвидаторов до впередовцев). В августе этого же года на парижской конференции они создают, так называемый «августовский блок» (без партийцев-плехановцев), после этого ликвидаторские ряды непрерывно редеют.

В 1912 г., после ленского расстрела, снова по всей России проносится ураган массовых политических стачек. Над массами снова веет красное знамя. Упорная работа боль-

шевиков приносит свои плоды. В течение 1911—1913 г. г. создаются и существуют сначала еженедельная легальная газета «Звезда» (№1 «Звезды» вышел в декабре 1910 г.), а потом (с апреля 1912 г.) ежедневная газета «Правда»; начинается открытая массовая революционная работа; ликвидаторы изгоняются со всех ответственных постов; в правления профессиональных союзов, в страховые учреждения избираются представители большевистской партии или, как тогда говорили в рабочих газетах, последовательные марксисты. В 1914 г. волна революционного под'ема продолжает неудержимо расти, явно для всех массовое движение идет к революции. В июле 1914 г. петербургский пролетариат с оружием в руках выходит на улицу и строит баррикады.

Начавшаяся империалистическая война обрывает дошедшую до революции волну массового рабочего движения.

Социал-демократические партии почти всех воюющих государств переходят на сторону буржуазии, провозглашают лозунг — надо защищать отечество, надо помогать своей буржуазии вести грабительскую войну, так как эта война якобы «освободительная» война. II-й Интернационал распадается. Меньшивики, превратившиеся в ликвидаторов, бегут вприпрыжку за желтым Интернационалом и готовы сделать все, что угодно, для содействия войне, ведущейся царем, помещиком и капиталистом (участие в военно-промышленных комитетах, поддержка контрреволюционной Гос. Думы, выступления против стихийно-развертывающегося массового революционного рабочего движения и т. д.). Таким образом, они проделывают свое последнее за этот пятнадцатилетний период превращение: из ликвидаторов становятся социал-шовинистами, то-есть открытыми прислужниками буржуазии и буржуазно-помещичьего государства. Снова большевики ведут борьбу

с попытками бывших меньшевиков, ныне социал-шовинистов, сбить с толку рабочие массы, отвлечь их от задач революционной борьбы. Они об'являют войну войне, выдвигают лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую», в подполье сплачивают передовые отряды пролетариата, развертывают боевое красное знамя. И пролетариат идет за своей революционной большевистской партией.

Громадную работу в это время выполняет большевистская думская фракция (во главе с т.т. Мурановым и Петровским). В 1915 г. за границей начинается собирание всех большевистских групп, а затем (в 1915 и 1916 г.г.) большевики во главе с тов. Лениным начинают сплочивание всех интернационалистских элементов в *международном* масштабе. Так, в течение пятнадцати лет меньшевизм ведет политику, основанную на отречении от марксистского учения о государстве и диктатуре, и шаг за шагом обнаруживает свою контр-революционную мелкобуржуазную сущность. Итак в течение этого же периода в неустанной борьбе с меньшевиками, ликвидаторством и социал-шовинизмом возникает, складывается и оформливается большевистская партия, которая продолжает революционное дело социал-демократической партии и закладывает фундамент коммунистической партии.

Здесь лежат корни великой октябрьской победы. «Большевизм, — говорит т. Ленин,— не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 годах, беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, то-есть оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов».

Незначительность размаха колебаний и расхождений внутри нашей партии в 1917—1920 г.г. обусловливается именно решительностью и беспощадностью этой очистки

партии революционного пролетариата от всех элементов мелкобуржуазного шатания и разброда. Гранитная крепость Р. К. П. (большевиков) покоится на этой основе.

4. ОБРАЗОВАНИЕ Р. К. П. (б.) (1916—1919 г.г.).

Российская коммунистическая партия образовалась после свержения царского самодержавия, после того, как перед пролетариатом встала задача непосредственной борьбы за социализм.

С февраля по октябрь 1917 года большевистская партия, не принявшая еще названия коммунистической партии, ведет борьбу за власть, организует массы под лозунгом «вся власть Советам».

В октябре 1917 г. российский пролетариат при поддержке крестьянских масс свергает помещиков и буржуазию. Наша партия из партии, борющейся за власть, превращается в партию, строящую пролетарское государство. В марте 1918 г. собирается VII-й с'езд партии. На нем единогласно принимается решение: именоваться «Российской коммунистической партией (большевиков)».

В 1919 г. на VIII-м с'езде Р. К. П. принимается программа партии, а на всероссийской партийной конференции в декабре этого же года—устав партии. Так образовалась Российская Коммунистическая Партия (большевиков), которая строит социализм и стремится к коммунизму.

Если в течение предыдущего пятнадцатилетнего периода складывалась и оформливалась большевистская партия, то уже в конце этого периода, в годы империалистской войны она, в сущности говоря, начинает превращаться в коммунистическую партию.

Империалистская война 1914—1918 г.г., произведя колоссальные разрушения производительных сил, уже

после первых военных лет поставила Европу перед грозной опасностью хозяйственного распада и вырождения, в гигантской степени ускорила процесс подготовления предпосылок социалистической революции, выдвинула ее перед международным пролетариатом в качестве очередной задачи. Это не могло не наложить сильнейшего отпечатка на характер и ход развития Февральской революции 1917 г. в России, тем более, что и социально-экономические условия и классовые отношения в стране за время с 1905 по 1917 г.г. решительно изменились.

За время реакции 1907—1914 г.г. в области сельского хозяйства произошли следующие перемены: сократилось дворянское землевладение (за четырехлетие 1906—1909 г.г. на 5½ милл. дес.), усилилось капиталистическое производство (помещик-капиталист) и возросло в деревне значение кулацких слоев крестьянства при продолжающемся обнищании крестьянских масс. В промышленности за то же время вполне обозначилось нарождение высших форм капитализма (финансовый капитал), — после 1905 года процесс синдицирования и трестирования чрезвычайно усилился, происходило подчинение промышленности банковому капиталу и возрастание связи его с крупнейшими европейскими финансово-капиталистическими группами. А масса промышленного пролетариата, благодаря аграрному законодательству царского министра Столыпина, разрывала свои последние связи с землей и своим нищенским хозяйством в деревне. Таким образом происходило усиление капиталистических элементов в сельском хозяйстве и развитие финансового капитала в промышленности.

Война толкнула вперед это развитие и обострила классовые противоречия и в городе, и в деревне.

На одном полюсе сплачиваются все капиталистические слои и группы под главенством финансово-капитали-

стической буржуазии, преисполненной империалистскими вожделениями, на другом — пролетариат и широкие массы крестьянства. Война и империалистские интересы бросают в об'ятия друг друга финансово-капиталистическую буржуазию и дворянское землевладение. Пролетариат с еще большей резкостью, чем в 1905—1907 г.г. выдвигается как вождь революции.

Февральская революция, сбросившая царизм, дала власть в руки буржуазии. Образовались Советы рабочих и солдатских депутатов. Центральный аппарат государства находился в руках временного правительства. Петроградский Совет непосредственно опирался на вооруженных рабочих и солдат, в руках которых фактически и была власть. Во главе как Петроградского, так и других Советов стоял блок меньшевиков и социалистов-революционеров, выдвинувший лозунг поддержки временного правительства и «революционной обороны».

Установился режим «двоевластия». Вопрос о дальнейшем развитии революции, о характере ее, об основных задачах пролетариата и его партии при сложившихся условиях двинулся, как очередной насущнейший вопрос.

После Февральской революции большевистская партия, Росс. с.-д. рабочая партия (большевиков), так она тогда называлась, вышла из подполья, развернула широкую революционную работу в пролетарской массе. И хотя громадное большинство большевистских организаций сразу же заняло твердую революционно-пролетарскую позицию, но в то же время в рядах партии в течение первых недель (март месяц) наблюдались значительные колебания и имела место неясность основной линии поведения (в вопросе о войне, о временном правительстве, о Советах, об отношении к меньшевикам и т. д.). Эти колебания и неясность нашли свое отражение на мартовском совещании 82 Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. По во-

просу о временном правительстве на этом совещании состоялось «соглашение различных течений на одном общем проекте», в котором заключался призыв «оказывать поддержку временному правительству». При этом представитель фракции большевиков в своей речи заявил о несогласии «с некоторыми деталями резолюции», в то же время указал, что «ввиду согласия с ее общим направлением» фракция «готова голосовать за нее, оставляя за собой право критики в печати» (цитаты взяты из кн. «Социалисты о текущем моменте», изд. «Дело» 1917 г., стр. 58—59).

Партийная линия была окончательно выпрямлена на апрельской конференции (24 — 29 апреля 1917 года). Но насколько было трудно вырывать даже передовые, действительно революционные, пролетарские элементы из цепких об'ятий мелко-буржуазной меньшевистской идеологии показывает хотя бы тот факт, что еще 21-го мая 1917 года Московское Областное Бюро нашей партии решает вопрос «об отношении к об'единенным организациям». В принятой резолюции отмечается, что в центрально-промышленной области «на-ряду с определенными, чисто большевистскими организациями», имеются «как организации, не успевшие еще определиться, так и организации об'единенные», при чем об'единенные распадаются на два типа: «организации, об'единяющие большевиков и меньшевиков-интернационалистов, и организации смешанные, в которых представлены все течения: как интернационалисты, так и оборонцы.»

И только теоретическая выдержанность, революционный запас и организационная сплоченность, выкованные в напряженнейшей пятнадцатилетней борьбе с меньшевиками, помогли большевистской партии найти правильную тактическую линию, развернуть боевое знамя коммунизма.

Колоссальную роль в этом сыграли замечательные «тезисы» т. В. И. Ленина. Они были оглашены им (4-го апреля

1917 г., тотчас же по приезде из-за границы) на собрании делегатов только что закончившегося Всеросс. совещания Советов раб. и солдатских депутатов (сначала большевиков, а затем большевиков и меньшевиков). Эти краткие тезисы (10 пунктов) содержали всю программу «второго этапа» революции, они четко и ясно намечали линию поведения партии революционного пролетариата. Разоблачение войны, которую продолжало временное правительство, как «грабительской империалистской войны»; резкая критика так называемого «революционного оборончества»; определение развертывающейся революции, как революции переходной к социализму (не «введение социализма, как наша непосредственная задача...»); выставление лозунга «не парламентарная республика», а «республика Советов» и формулировка задачи «создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра...», — вот содержание этих тезисов. «И тезисы, и доклад мой, — писал сам т. Ленин, — вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды» (см. предисловие В. И. Ленина и др. «Письма о тактике», изд. «Прибой» 1917 года). Эти разногласия проявились и на апрельской конференции большевиков, которая в развитии нашей партии имеет громадное значение.

На этой первой после свержения царского самодержавия партийной конференции присутствовало 133 делегата с решающим голосом и 18—с совещательным, представлявших 79 : 174 члена партии. Значение конференции заключается в том, что она была крупнейшим шагом в деле оформления нашей партии, как партии коммунистов-большевиков (Р. К. П.).

Апрельская конференция поставила вопрос о пересмотре партийной программы и наметила направление, в котором должен быть произведен этот пересмотр.

Программа нашей партии была принята на II с'езде (в 1903 году), в ней был совершенно правильно поставлен вопрос о революционной диктатуре пролетариата (этот основной вопрос в марксизме, на котором, как писал Ленин, «надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»), но она, по понятным причинам, устарела в 1917 году и требовала целого ряда крупнейших исправлений. Конференция указала главнейшие из этих исправлений и в том числе «исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарско - крестьянской республики...». До начала 1919 года, до VIII партийного с'езда, наша партия не имела писанной программы, но в то же время в самые острые моменты борьбы и строительства, мы имели точную, ясную, определенную программу, которая дала возможность нашей партии сорганизовать массы и повести их к октябрьской победе. Эта программа и дана в постановлениях апрельской партийной конференции.

В области политической, как выше было уже указано, выставлялось требование перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьнства, т. - е. в руки Советов.

В области аграрной партия высказывалась за «немедленную и полную конфискацию» всех земель, советуя «крестьянам брать землю организованно» и требуя «национализации всех земель в государстве». При этом партия советовала добиваться «образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое велось бы на общественный счет Советами депутатов от с.-хоз. рабочих»

В области экономической, ввиду «неотложности ряда практически назревших шагов к социализму», пар-

тия выставляла следующие требования: 1) национализация земли, 2) установление государственного контроля за всеми банками и крупнейшими синдикатами и 3) отстаивала переход «к осуществлению всеобщей трудовой повинности». При этом отмечалось, что все эти мероприятия в общегосударственном масштабе могут быть проведены лишь «при условии перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям».

В резолюции о войне конференция выставила лозунг «демократического мира» без аннексий и контрибуций, подчеркнув, что войну можно кончить таким миром лишь при условии победы международной революции.

В резолюции по национальному вопросу выставлялось требование признания за всеми нациями «права на свободное отделение и образование самостоятельного государства». По вопросу о меньшевиках и эсерах (мелкобуржуазном оборонческом блоке) конференция постановила: признать об'единение с партиями и группами, проводящими политику мелкобуржуазной измены социализму, «безусловно невозможным».

Беспощадно критикуя меньшевистскую тактику поддержки временного правительства и участия в коалиционном министерстве, конференция указывала, что «необходима *длительная работа* по проявлению классового пролетарского сознания к сплочению пролетариев города и деревни против колебания мелкой буржуазии» (курсив мой). При этом подчеркивалось, что «только такая работа» обеспечит усиленный переход государственной власти в руки рабочих и беднейших крестьян. Но апрельская конференция не только дала партии основную линию поведения и боевые лозунги, она обнаружила в партии известные колебания. Анализируя их в настоящее время, мы можем отметить незначительность размаха этих расхождений и колебаний, а также и то, что

эти колебания были колебаниями меньшевистско-образного типа.

Это было одно из проявлений мелкобуржуазной стихии в партии революционного пролетариата. Если на конференции т. Ленин в намечаемой им линии исходил из положения, что «социалистическая революция, нарастающая на западе, в России *непосредственно* не стоит в порядке дня, но мы уже вступили в *переходное* к ней состояние», то другая точка зрения основывалась на убеждении, что «наша революция не принадлежит к числу *классически*-буржуазных революций, тем не менее по существу своему она не может быть иной, как буржуазной». (Цитаты из отчета о конференции в «Правде», курсив отчета.) Несомненно, что из этой последней точки зрения, и исходила та группа делегатов конференции, которая не голосовала *за* предлагаемые резолюции. Просматривая все голосования на конференции, видим такую картину: резолюция о войне была принята большинством *при 7 воздержавшихся;* резолюция о временном правительстве — при *6 воздержавшихся* и *7 против;* резолюция по земельному вопросу — при *11 воздержавшихся;* резолюция о текущем моменте — при *8 воздержавшихся;* резолюция о коалиционном министерстве — при *2 воздержавшихся* и, наконец, резолюция об Интернационале была принята всеми при *6 воздержавшихся*. Вот эта группа, численность которой колеблется между двумя и тринадцатью делегатами, и отражала колебания, которые мы назвали меньшевистско-образными и которые, и по сути дела, были именно таковыми. В факте незначительности этих колебаний сказался тот революционный закал, который был приобретен большевистской партией за пятнадцатилетний период борьбы с меньшевиками, ликвидаторами и социал-шовинистами.

Апрельская конференция дала партии знамя, с которым она и ринулась в массы.

Настойчивая революционная работа нашей партии и стихийно поднимающееся движение масс приводили к тому, что под лозунгом — «вся власть Советам» сплачивались все революционные классы.

На I всероссийском с'езде Советом (в июне месяце) большевики были в незначительном меньшинстве (приблизительно 120 человек из свыше 1.000 делегатов с решающим и совещательным голосами); несмотря на это, они сумели твердо и ясно заявить свою революционную программу требований. В своей ответной речи министру Церетелли В. И. Ленин сказал, что партия большевиков «каждую минуту готова взять власть целиком».

После июльских дней власть фактически оказалась в руках империалистской буржуазии, при чем партии с.-р. и меньшевиков «оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества». Началась повсеместная ожесточеннейшая травля большевиков. Часть вождей партии находилась в тюрьме, т. Ленин принужден был скрываться от ищеек военной клики.

VI с'езд партии (25 июля — 3 августа 1917 года), на котором было представлено до 200 тысяч членов, работал в полулегальных условиях. На нем, применительно к создавшимся условиям, была развита линия, явившаяся продолжением программы, установленной на апрельской конференции. В своих резолюциях с'езд разрешил все основные вопросы текущего момента. В резолюции об экономическом положении с'езд развернул целую программу экономических мероприятий, выставив боевым лозунгом — лозунг «рабочего контроля», как первого шага по пути «полного регулирования производства». В резолюции о политическом положении выдвигалась задача направить все усилия «на организацию

и подготовку сил» к тому решительному моменту, когда задачей революционных классов явится «напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки», лозунгом момента выдвигался лозунг свержения диктатуры контр-революционной буржуазии, ибо «в настоящее время мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны».

Август — сентябрь — октябрь были периодом все более и более нарастающего революционного кризиса. Массовое движение развивалось, — крестьянство было «доведено до восстания», на фабриках и заводах кипела ожесточеннейшая «гражданская война» между капиталистической администрацией и рабочими, выступавшими под лозунгом — «рабочий контроль над производством».

Наша партия, пережившая после июльских дней остановку в росте, даже нередко упадок, после заговора Корнилова, с сентября месяца начинает расти с ускоряющейся быстротой.

«В сентябре, — читаем мы в отчете Москов. Обл. Бюро, — началось массовое обращение в большевизм».

31-го августа Петроградский Совет впервые принимает большевистскую резолюцию об общем политическом положении, 6-го сентября такая же резолюция проходит в Московском Совете. 6-го же сентября меньшевистско-эсеровский президиум Петроградского Совета заявляет о сложении своих полномочий. 8-го сентября избирается большевистско-лево-эсеровский президиум рабочей секции, а 13-го числа таковго же состава президиум солдатской секции Петроградского Совета, и, наконец, председателем Совета избирается Л. Троцкий.

Вопрос о вооруженном восстании против правительства Керенского становится в порядок дня. 7-го октября большевики выступают с декларацией на 1-м заседании «Совета республики» и всей фракцией покидают его.

8-го октября (письмо опубликовано в № 250 «Правды»), т. Ленин, между прочим, писал: «...переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще».

На заседании 10-го октября Ц. К. партии принимает резолюцию о постановке вооруженного восстания в качестве очередной задачи текущего дня.

Перед октябрьской победой и тотчас же после нее в нашей партии опять имели место колебания. И опять они были незначительны, ограничивались узким партийным кругом. В этом еще раз сказалась революционно-пролетарская выдержка нашей партии, выкованная в предыдущий пятнадцатилетний период, проверенная и закаленная в напряженной борьбе в течение апреля — октября 1917 года.

Эти колебания, по определению т. Ленина, шли «в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и социалистов-революционеров»... Они завершились тем, что шесть ответственнейших товарищей тотчас же после октябрьской победы (4-го ноября 1917 года) сложили с себя ответственные советские и партийные обязанности, — четверо вышли из Совнаркома и пятеро из Ц. К. партии. Это было в период, связанный с именем Викжеля (Всеросс. Исп. Комитета железнодорожников), который, угрожая всеобщей жел.-дор. забастовкой, взял на себя инициативу добиться составления «однородного правительства, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно» (см. телеграмму Викжеля от 29 октября).

В своих заявлениях, направленных в В. Ц. И. К., Совнарком и Ц. К. партии, шесть товарищей высказывались против «сохранения чисто-большевистского правительства», выступая с лозунгом — «да здравствует правительство из советских партий. Немедленное соглашение на этом условии» [1]). Несомненно, что колебания подобного типа были тоже самое меньшевистско-образными; в то же время они являлись продолжением той линии колебаний, которая наметилась на апрельской конференции (здесь можно даже установить персональную преемственность).

Широких кругов партии эти колебания совершенно не затронули, они прошли мимо нее. Партия большевиков твердой рукой брала государственное управление огромной страной.

В течение полугода настойчивой, кропотливой работы и ожесточенной борьбы она сплотила четверть миллиона сознательных рабочих, выработала и в горниле борьбы проверила свою боевую коммунистическую программу, повела за собой массы к октябрьской победе и из партии борющихся за власть превратилась в коммунистическую партию, строящую пролетарское государство.

Вопрос о мире был центральным вопросом, ставшим во весь рост перед партией после завоевания пролетариатом государственной власти. И здесь советской республике пришлось столкнуться с австро-германским империализмом.

Мир или война? — Этот вопрос вызвал в партии разногласия. Наметились три течения: за скорейшее заключение мира на предложенных условиях; за непринятие этих условий и ведение революционной войны и за то, чтобы насильнического мира не подписывать, но и войны

[1]) Под заявлением в В. Ц. И. К. и Совнарком имеются подписи еще семи ответственных большевиков. Термин „советских партий“ означал партии входящие в Совет р. и с. депутатов.

не вести (в январе 1918 года). Часть крупнейших партийных организаций (Урал, Москва) были против подписания мира, одно время в Ц. К. партии большинство стояло на этой же точке зрения. «Левые коммунисты», как они тогда назывались, образовали особую группу в партии, расхождения были значительные, но партия осталась единой. Если колебания нашей партии «вправо» мы характеризовали, как «меньшевистско-образные», то колебания «влево» («левый коммунист»)—надо характеризовать, не боясь упрека в поспешности, как «отзовистско-образные». Таким образом и в коммунистической партии наметились те же два основных типа колебаний, которые имелись в предыдущий период партийного строительства.

На VII с'езде партии (в марте 1918 года) был решен утвердительно (большинством 28 при 12 против и 4 воздержавшихся) вопрос о подписании Брестского мира, а также, как мы уже указывали, партия постановила именоваться — «Российской Коммунистической Партией (большевиков)».

Революционный пролетариат и его коммунистическая партия встали перед задачей практического строительства социализма. Здесь следует отметить, что группа «левого коммунизма» выступила в это время (в апреле 1918 года) со своей экономической программой, которая еще ждет своей оценки.

С половины 1918 года начался период гражданской войны, который продолжался до 1921 года.В течение этих лет партии и государству пришлось всю свою работу подчинить военной задаче. Это в значительной степени предопределило общую линию государственного строительства, которое вылилось, в совокупности всех своих мероприятий в форму военного коммунизма. Работа партии за это время носила ударный характер, ибо партии приходилось с величайшим напряжением отражать вооруженные

женный натиск генеральской контр-революции, окружавшей железным кольцом республику Советов.

VIII с'езд партии, собравшийся в марте 1919 года, завершил процесс оформления Р.К.П. (б.). На нем была принята программа партии. Кроме этого с'езд решил два основных вопроса: о военном строительстве и о работе в деревне (отношение к среднему крестьянству). Эти два вопроса являлись важнейшими для грядущей полосы гражданской войны. VIII с'езд установил основные принципы военного строительства и тем самым дал в руки государства предпосылку, без которой оно не смогло бы планомерно развернуть работы по созданию Красной армии и отражению натиска вражеских дивизий. Решение вопроса об отношении к среднему крестьянству давало партии возможность взять правильную линию к тому слою населения, который составлял преобладающее большинство в деревне и от позиции которого зависел в значительной степени исход вооруженной борьбы. VIII с'езд показал значительный рост рядов нашей партии,—на с'езде было представлено 313.766 членов партии. 1919 г. был годом гигантского обострения гражданской войны. Партии и государству приходилось напрягать все силы для отражения натиска врагов.

IX с'езд партии собирается после блестящих побед на военном фронте. Тов. Ленин в своей вступительной речи говорил, что «мы можем теперь со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства». Порядок дня состоял из главнейших вопросов: задачи хозяйственного строительства, работа партии на транспорте, профдвижение, отношение к кооперации, переход к милиционной системе, задачи Ком. Интернационала и пр. С'езд показал расширение рядов партии за самый острый период гражданской войны, — на с'езде было представлено 611.978 членов пар-

тии. После IX с'езда, партии не удалось сразу перейти от войны к миру и хозяйственному строительству: война с Польшей и необходимость быстрейшей ликвидации Врангеля отодвинули эту задачу еще на год. К началу 1921 года гражданская война была закончена. Целый ряд обстоятельств привел к тому, что при переходе к непосредственным задачам экономического строительства, в обессиленной гражданской войной стране, партии и государству пришлось принять за основу ту линию экономической политики, которую партия намечала в первой половине 1918 года, и изменение которой в сторону военного коммунизма последовало исключительно под непосредственным давлением задач военной обороны от натиска генеральско-империалистской контр-революции. Эта политика, под названием Новой Экономической Политики (НЭП), и была принята на IX с'езде партии, собравшемся в марте 1921 года. На с'езде было представлено 705.245 членов партии. IX с'езд партии проходил под знаком изживания тех течений, которые наметились в партии год тому назад (по вопросам Советского сторительства, партийного строительства и пр.). Во второй половине 1920 года, эти течения оформились в несколько групп (группа «демократического централизма», группа «рабочей оппозиции»). В предс'ездовской кампании основным вопросом партийной дискуссии был вопрос о профсоюзах. Несмотря на всю остроту происходившей в партии дискуссии, на самом с'езде преобладающая часть делегатов сплотилась в компактное большинство, поведшее за собой весь с'езд. Партия не дрогнула в своем закаленном годами единстве. 1921 год, на-ряду с основной задачей, — задачей хозяйственного строительства, был заполнен ликвидацией бандитизма. Проведение в жизнь Нов. Эконом. Политики потребовало от партии и государства перестройки всех хозяйственных органов применительно к новым условиям

работы (хозрасчет, денежное обращение, частично возрождавшиеся капиталистические отношения). Эта перестройка была закончена в основном ко второй половине 1922 года. Как результат частичного восстановления капитализма в рамках Советской системы и выявилась в первые месяцы 1922 г. оживленная деятельность остатков старой буржуазной интеллигенции, и создался так называемый идеологический фронт (возрождение буржуазной идеологии). На-ряду с задачами хозяйственными, выдвинулась на почетное место задача Народного просвещения.

На XI партийном с'езде (в марте 1922 года) тов. Ленин в таких словах определил основную директиву на ближайший период:

«Отступление кончено. Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы, хотя бы в ничтожном количестве.

Перестаньте умничать, рассуждать о Нэп'е, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но экономисты, не рассуждайте о Нэп'е, а увеличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами.

Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую с'езд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это будет засчитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянством экономическую, чтобы обогатиться; ты же должен создать смычку с крестьянской экономией, чтобы усилить экомическую власть нашего пролетарского государства».

И еще раз подытоживая свой доклад, он говорил:

«А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой, к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой до-

клад, — гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неимоверно много в связи с Нэп'ом. Все это говорят впустую. Это вреднейшая болтовня! В связи с Нэп'ом, у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения в людях, в подборе людей».

И вся работа в 1922 г. проходила под знаком этого лозунга. Не даром XII партийный с'езд отметил, что «начинается период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при Нэп'е».

XII с'езд (в апреле 1923 г.) работал без Владимира Ильича. Главнейшими вопросами порядка дня с'езда были вопрос «о промышленности» и «национальные моменты в партийном и государственном строительстве».

В области хозяйственной перед XII с'ездом стояли три вопроса: вопрос о промышленности, вопрос о плане и вопрос об экспорте хлеба.

1923 год проходил под знаком трех важнейших моментов: 1) новая волна международной революции (Германия, Болгария, Польша); 2) кризис сбыта («ножницы»); и 3) внутрипартийная дискуссия. Через ряд достижений и побед, и одновременно—поражений и неудач 1923 года, мы подходили к XIII партс'езду значительно более крепкими и сильными, чем год тому назад.

21-го января 1924 года умер В. И. Ленин. На Красной площади выросла могила, которая веками будет приковывать к себе взоры всего человечества.

XIII партийный с'езд в полной мере отразил настоящий момент в развитии нашей партии.

В докладе мандатной комиссии было указано, что на с'езде присутствовало 748 делегатов с решающими и 416— с совещательными голосами. Число рабочих среди делегатов, сравнительно с прошлым с'ездом, выросло до

63,2% (на XII с'езде — 53%), в том числе 11,4% рабочих от станка.

Число делегатов с низшим образованием увеличилось на 17%,—на XII с'езде—49,8%, а на XIII с'езде—66,8%. И докладчик мандатной комиссии подчеркивал, что «у нас в этом году на с'езде присутствует громадное количество низовых работников — рабочих от станка, секретарей ячеек, завкомов и представителей других партийных низовых организаций».

В этом нашло свое отражение то громадное событие в жизни партии, которое называется «Ленинским призывом».

Тов. Зиновьев на с'езде оценивал это событие так: «До сих пор наша партия жила в общем тем зарядом, который мы получили накануне октября и в октябре из недр рабочего класса таким, каким он был до революции», а «теперь нам удается укрепить неразрывную и органическую связь с послереволюционным пролетариатом — со всеми его слабостями, но и со всеми его славными сторонами». «Ленинский призыв» в известном смысле начинает новую главу в истории нашей партии.

Вторым моментом, отразившим состояние партии был на с'езде характер голосований по важнейшим с'ездовским вопросам.

Все основные постановления XII с'езд принял единогласно, без единого голоса против, не было даже воздержавшихся. И это после внутрипартийной дискуссии, в которой, может быть, впервые принимал участие наш партийный молодняк.»

XIII партийный с'езд единогласно подтвердил резолюции XIII Всесоюзной партконференции «о партийном строительстве» и «об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне», с'езд вынес полное одобрение Ц. К. партии «за твердую и большевистскую непримиримость, прояв-

ленную Ц. К. во время дискуссии в защите основ ленинизма против мелкобуржуазных уклонов».

Без Ленина с'езд и партия непоколебимо стояли под знаменем ленинизма.

Наша партия, как гигантская пролетарская организация, концентрирует в себе весь опыт многолетней борьбы рабочего класса с царским самодержавием, буржуазией и мелкобуржуазными колебаниями, уклонами и изменами социализму внутри рабочего движения

На этом опыте и покоятся непоколебимая сила и сплоченность коммунистической партии

И каждый коммунист, развертывая страницы истории нашей партии перед любым рабочим и крестьянином, должен ему сказать: могучее здание нашей партии скреплено кровью лучших представителей рабочего класса. Сам рабочий класс своими собствеными руками создал свою пролетарскую партию. На опыте ее истории учитесь правде коммунизма и становитесь стойкими борцами за великое дело мировой коммунистической революции.

5. НЕСКОЛЬКО ИТОГОВЫХ ЗАМЕЧАНИЙ.

В заключение необходимо подвести главнейшие итоги, чтобы дополнительно отметить и подчеркнуть *основные черты и особенности в развитии коммунистической партии в России*. Это развитие, как уже указано, прошло три основных момента и распадается на три периода.

Всем им обще то, что партия на протяжении всех трех периодов неуклонно стояла на признании краеугольного камня революционного марксизма — революционной диктатуры пролетариата, имея конечной целью своей борьбы коммунизм, т.-е. общество, где не будет ни классов, ни государства. В этом смысле можно и должно говорить об единой истории коммунистической партии в России.

Но в то же время каждому из трех основных периодов истории партии присущи свои особенности, которые делают каждый из предыдущих периодов подготовлением к следующему.

Особенности каждого из трех моментов в истории партии обусловливаются тем, что партии пролетариата на протяжении всей ее истории, от зарождения до последних дней, приходилось действовать в различные исторические моменты перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, в зависимости от чего и менялись ближайшие задачи, стоящие перед пролетарской партией.

В России революционной партии пролетариата приходилось начинать и развивать свою работу в обстановке, где «сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещиком, государству или главе государства» (см. программу Р. С.-Д.Р.П., принятую на II с'езде партии в 1903 г.). «Самым значительным из всех этих пережитков, — говорит партийная программа 1903 года, — и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие».

В соответствии с этим партия своей *ближайшей целью* ставила «низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой». При этом последовательная революционность методов борьбы, направленных к осуществлению этой *ближайшей цели*, обусловливалась тем, что *конечной целью* партия ставила «социальную революцию пролетариата».

Но до создания партии, с так формулированной программой, русскому пролетариату пришлось проделать довольно-таки продолжительную историю высвобождения от различных чужеродных влияний.

В течение периода с конца 70-х по конец 80-х годов происходит процесс высвобождения рабочих групп из-под влияния народнической идеологии, т.-е. мелкобуржуазного интеллигентско-крестьянского социализма («Северно-русский рабочий союз» 1877—1879 г. г., группа «Освобождение труда» — с 1883 г., Благоевская группа — с 1884 г., *первая* с.-д. группа в России). Этот процесс, в сущности говоря, завершается к половине 90-х годов, когда образуются первые связанные с массой с.-д. организации («Союз борьбы за освобождение рабочего класса»). В течение всего этого времени, говоря словами Ленина, «социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс *утробного развития*» (курсив мой).

В половине 90-х годов (с 1894—1895 г.г.) происходит расширение практической деятельности социал-демократии, переход от кружковщины к массовой агитации. Говоря опять словами тов. Ленина, «социал-демократия *появляется на свет божий*, как общественное движение, как под'ем народных масс, как политическая партия» (курсив мой). Как известно, завершением работы этого времени является I с'езд российской с.-д. рабочей партии. К этому же моменту (1897—1898 г.г.) относится возникновение «экономизма», первой формы буржуазного влияния на пролетариат в России («легальный» марксизм был его теоретическим предшественником). Он стоял преградой на пути к созданию с.-д. партии, его надо было преодолеть. Революционный пролетарский авангард эту задачу выполнил в 1903 г. на II с'езде процесс создания с.-д. партии был закончен, партия была создана [1]).

Обе *социал-демократические* программы этого двадцатипятилетнего периода (от «Северно-русского рабочего

[1]) В начале 900-х годов возникла и была отброшена рабочим движением так называемая „зубатовщина“.

союза» 1878 г. до II с'езда Р. С.-Д. Р. П., 1903 г.) твердо стоят на признании революцонной диктатуры пролетариата.

В «проекте программы русских социал-демократов» (составлен в 1887 г., напечатан в 1888 г.) читаем: «но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплоататоров и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран*. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе» (курсив проекта программы).

В партийной программе 1903 года, составленной в период предреволюционный, пункт о диктатуре изложен в таких весьма ясных и определенных словах: «Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров».

Вопрос о диктатуре есть самый кардинальнейший вопрос в марксизме. «Марксист лишь тот,—говорит тов. Ленин, — кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» (см. кн. «Государство и революция», стр. 46).

И хотя партийная программа на с'езде была принята единогласно, но некоторая борьба и некоторые нелишенные интереса «инциденты» около нее были.

К программе делегатам заграничного «Союза русских социал-демократов» были предложены целых 22 поправки, отвергнутые в комиссии. Сам автор поправок говорил о них, что «все мои поправки будут иметь целью изменить *самый дух программы*» (курсив мой). На с'езде тов. Троцкий говорил «...его (т.-е. Акимова. — *А. Б.)* пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт». И далее, «отрицая диктатуру тов. Акимов впадает в обычный социал-реформизм» (см. протоколы, стр. 132). А тов. Ленин констатировал. «...они (т.-е. т. т. Акимов и Мартынов, — *А. Б.)* дошли и до «опровержения» теории обнищания, и до оспаривания» диктатуры пролетариата...» (см. протоколы стр. 131).

Весьма показательные оттенки возникли в деоатах по вопросу об «абсолютной ценности»—демократических прнципов. Делегат с'езда тов. Посадовский заявляет: «Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии» (далее он развивает эту мысль). Тов. Плеханов присоедниияется к этой точке зрения и добавляет следующее: «И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением *преступно* было бы остановиться» (курсив мой). И далее, он между прочим зявляет: «Если бы выборы (в парламент.— *А. Б.)* оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели».

Во время речи тов. Плеханова раздаются рукоплескания и шиканье.

Егоров (член группы «Южного рабочего») встает и заявляет: «Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать», а в своей речи он утверждает: «Тов. Плеханов не принял во внимание, что законы войны одни,

а законы конституции другие. Мы пишем свою программу на случай конституции» (все предыдущ. цитаты см. Протоколы, стр. 169 — 170).

Таким образом на с'езде были отдельные голоса, «оспаривавшие» диктатуру пролетариата, а в выше процитированных словах тов. Егорова вскрылся еще, может быть, тогда плохо сознаваемый, но уже достаточно определенный мелкобуржуазный уклон в сторону отказа от революционной диктатуры.

Но в то же время массовое движение практически еще не подошло к вопросу о революционной диктатуре, а поэтому и колебания в теоретической постановке этого вопроса носили еще чрезвычайно неясный характер. И нужны были революция 1905 — 1907 г.г., реакция 1908 — 1914 г.г. и мировая война, чтобы «егоровская» точка зрения, обнаруживая все с большей и большей ясностью свою сущность, докатилась, наконец, до прямого отказа от диктатуры пролетариата.

Обостреннейшая массовая революционная борьба в России, 1905 — 1907 год, практически поставила на очередь дня вопрос о диктатуре революцонных классов и тем самым выдвинула историю партии в новое русло.

Ближайшая задача партии осталась прежней (низвержение царизма, замена его демократической республикой), но ее реализация подошла к такому пункту, что партия пролетариата должна была выдвинуть лозунг *революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.* «...Это будет,—писал тов. Ленин,—разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма» (см. «За 12 лет», изд. Петроградского Совета, стр. 439 — 440). В то же время «только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут свя-

заны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а положит на всю революцию свой пролетарский или вернее, пролетарско-крестьянский отпечаток» (там же, стр. 442).

С этой точки зрения и вопрос о борьбе «за конечные цели социализма» принимал чрезвычайно конкретный, вместе с тем глубоко активный и действительно революционный характер. Он ставился, как вопрос о «возможности поднять Европу» и разрешился в том смысле, что надо «давать практические лозунги, и не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения» (курсив автора, стр. 460).

Революционному пролетариату России указывалась активная задача, — «победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу» (там же, стр. 459). Такую постановку и такое разрешение вопроса давал большевизм, который явился продолжателем революционного дела социал-демократии. И если большевизм в течение пятнадцатилетнего периода (1903 — 1917 г.г.) в своих тактических и организационных планах на деле, практически отстаивал учение о диктатуре пролетариата, то меньшевизм в течение пятнадцатилетнего периода (1903 — 1917 г.г.) скатывался к откровенному отказу от революционной диктатуры.

На II с'езде партии, при возникновении большевизма и меньшевизма, имели место лишь организационные разногласия, тактические были в самом зачаточном состоянии, программных не было. Тактические разногласия явственно обозначаются в конце 1904 года в связи с земской либеральной кампанией (план меньшевистской «Искры» и критика его тов. Н. Лениным); они вполне оформливаются в период революции в 1905 — 1907 г.г. В дальней-

шем меньшевизм превращается в ликвидаторство (1908—1914 г.г.) и, наконец, в социал-шовинизм (1914—1917 г.г.).

В 1917 — 1919 г.г. меньшевизм в полной мере обнаруживает свою контр-революционную сущность. При этом все меньшевистские тактические планы находят свое практическое осуществление (поддержка временного правительства, коалиция с буржуазией и пр.). Развитие организационных и тактических взглядов меньшевизма есть постепенное обнаружение того, что сущностью меньшевизма является отказ от признания революционной диктатуры.

В 1903 году меньшевизм выступал с планом *расширения* понятия партии и облегчения доступа в нее мелкобуржуазным элементам (§ 1 устава); в 1905 — 1907 г.г. он доходит до организационных проектов, ведущих к *растворению* революционной с.-д. партии в беспартийной политической организации пролетариата (рабочий с'езд), и, наконец, в 1908 — 1914 г.г. на сцену выступает ликвидаторство, т.-е. попытка *разрушить* нелегальную пролетарскую партию.

В основе подобного рода планов лежало признание, что непосредственное практическое руководство выступающими в событиях массами не может и не должно быть обязательной задачей партии...», т.-е., в конечном итоге, отказ от революционной диктатуры (цитаты взяты из ст. тов. Л. Мартова, см. «Общественное движение», т. III, кн. 5, стр. 549).

В области тактики меньшевизм (в 1905 — 1907 г.г. проповедывал линию, которая вела к отказу от гегемонии пролетариата, а ликвидаторство (в 1908 — 1914 г.г.) прямо провозгласило отказ от гегемонии пролетариата (т. т. Мартов, Потресов, Левицкий с его формулой — «не гегемония, а классовая партия» и т. д., и т. д.).

И все это было ступеньками, ведущими и приведшими меньшевизм к выступлению против диктатуры пролетариата. Эпоха 1914 — 1917 г.г. была тем моментом, когда превратившийся в ликвидаторство меньшевизм скатился к лозунгу «защиты отечества» в империалистской войне, т.-е. к прямой измене программным положениям революционного марксизма.

Пятнадцатилетняя борьба большевизма с меньшевизмом, ликвидаторством, социал-шовинизмом и была подготовлением элементов такой пролетарской партии, которая смогла бы непосредственно руководить классовой борьбой пролетариата в эпоху переходную от капитализма к социализму, т.-е. смогла бы повести непосредственную борьбу за диктатуру пролетариата, а затем развернуть практическую программу строительства социализма.

Образование Р. К. П. и явилось завершением дела большевизма. После свержения царского самодержавия партия большевиков, на основе гигантского революционного опыта всей предыдущей истории, выдвинула лозунг «вся власть Советам», под этим знаменем сорганизовала рабоче-крестьянские массы и привела их к октябрьской победе.

В проекте партийной программы, относящейся к концу апреля — мая 1917 года, читаем: «в переживаемый Россией момент. . . . . ., перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучше обеспечивающее как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможности наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности», и далее, — «партия борется за более демократическую пролетарско-крестьянскую республику...».

После июльских дней в резолюции VI партийного с'езда ближайшая политическая задача формулируется

таким образом: «В настоящее время мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии» (см. п. 7 резолюции «О полит. положении»).

«Эту власть, — писал после июльских же дней тов. Ленин, — надо свергнуть» (см. Н. Ленин, «К лозунгам» стр. 12).

А в начале октября в порядок текущего дня был поставлен вопрос о вооруженном восстании против правительства Керенского.

В течение этого периода (апрель—октябрь 1917 г.) партия вела непосредственную борьбу за власть, т.-е. шла к осуществлению диктатуры пролетариата.

Октябрьская победа завершает этот период. И здесь следует отметить тот факт, что политический опыт и прозорливость партии в то время (в первые же часы и дни после победы) сказались между прочим и в чрезвычайно правильном шаге—включении в декрет о земле крестьянского наказа, составленного на основании 242 местных крестьянских наказов, «как выражения безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России».

В своем вступительном слове к этому декрету (на II с'езде Советов), тов. Ленин сказал:

«Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен с.-р. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда».

К такой линии крестьянской политики партия наша была подготовлена всей предыдущей историей большевизма. Продолжением ее явился и курс «на середняка», принятый VIII с'ездом партии.

1918 год был годом развертывающейся гражданской войны, ломки основ буржуазно-капиталистического общества и социалистического строительства.

На VIII с'езде партия, уже формально принявшая название Р. К. П., принимает программу, которая является не чем иным, как инструкцией к практическому строительству социализма.

Таким образом, в течение сорока лет создавалась, крепла и боролась коммунистическая партия в России. Своеобразие экономического развития и классовых соотношений в стране находят свое отражение в каджый период ее истории. Она борется за низвержение капитализма. Она развивается и крепнет в непрерывной борьбе с громадным централизованным аппаратом самодержавно-крепостнического государства, с дряблой, уже в конце 1905 года перешедшей в лагерь контр-революции, буржуазией и с сильным напором мелкобуржуазной стихии в своих собственных рядах. Это главнейшие враги, в борьбе с которыми складывалась и росла наша партия. Ее опорой является пролетариат промышленных центров, сконцентрированный на крупнейших капиталистических предприятиях, и в силу своей классовой сознательности и дисциплинированности, ведшей за собой массы крестьянства, выбрасываемого на путь революционной борьбы тяжелым гнетом полукрепостнического режима.

II.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ Р. К. П.

При изучении истории Р. К. П. прежде всего необходимо выяснить целый ряд основных вопросов, которые дадут возможность полнее, всесторонее, глубже и точнее ориентироваться в той громадной массе исторических фактов, событий, обстоятельств, поворотов, наступлений и отступлений, побед и поражений, которые столь характерны для истории партии революционного пролетариата в России.

Каждому, даже чрезвычайно поверхностному наблюдателю исторического пути нашей партии, бросается в глаза одна характерная особенность, которая делает историю Р. К. П. историей единственной во всем мире пролетарской партии. Этой характернейшей особенностью истории нашей партии является то, что она прошла через три исторических эпохи: эпоху добуржуазной революции (до начала XX столетия); эпоху буржуазной революции (1903 — 1905 — 1917 г.г.) и эпоху начала и первой победы пролетарской революции. Ни одна партия в мире не имеет такого опыта и такой истории.

То обстоятельство, что наша партия в своем развитии прошла через различные исторические моменты перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, превращает историю партии в историю грандиознейшей маневренной войны.

В период добуржуазной революции, т.-е. в период сформирования партии пролетариата, как партии, ставящей своей ближайшей целью низвержение самодержавно-крепостнического режима и замену его демократической Республикой — уже в этот период партии пришлось начать выработку тех основных начал, которые легли в основу ее дальнейшей тактики. Уже в течение этого времени партии пришлось выдержать борьбу с народническими мелко-буржуазно-интеллигентскими утопиями,—начала эту борьбу в 80-х годах группа «Освобождение Труда», возникшая в 1883 г., а затем с 90-х г.г. (с 1893 — 1895 г.г.), марксизм принял открытый бой с народничеством и разбил его на-голову. И здесь же партии пришлось впервые пережить столкновение мелко-буржуазной и пролетарской линии в своих собственных рядах. Борьба с «экономизмом» была этим первым столкновением, которое (с 900-х г.г.) развернулось в поход «Искры» против оппортунизма в теории и практике социал-демократии. Но эти факты исторического развития до революции 1905 — 1907 г.г. были лишь репетицией, если можно так выразиться, к тем маневрам, которые партия совершила с момента первой буржуазной революции в России, когда все классы русского общества столкнулись в открытой борьбе. Партии рабочего класса пришлось вести борьбу с царизмом, опираясь на массы рабочего класса, стремясь вести за собой крестьянство, придавленное кабалой дворянина-помещика. В плоскости взаимоотношений политических партий, партии приходилось в борьбе против своего главнейшего в данный момент врага не только стремиться к единому фронту с партией с.-р., но по мере возможности использовать всякое оппозиционное, т.-е. либеральное движение, ежели оно в той или иной мере могло пригодиться в деле свержения основной враждебной силы—царизма. В то же

время партии приходилось вести ожесточенную борьбу с либеральной буржуазией, ибо она уже и тогда в эпоху буржуазной революции, боясь массового движения, руководимого пролетариатом, поворачивала против революции, стремясь к сделке с царизмом. В то же время партия вела борьбу против своих союзников в деле борьбы с царизмом, против различных народнических партий и групп (эс-эры, трудовики и пр.), так как они,— во-первых, обнаруживали колебание в деле борьбы с царизмом, т.-е. нередко свихивались, как буржуазные революционеры, а во-вторых, будучи мелко-буржуазными социалистами, являлись с точки зрения пролетарской партии врагами нашей партии, когда они пытались завоевывать влияние в рабочих массах и вести за собой рабочее движение. Это был, как видим, довольно сложный и трудный маневр опирающийся на союз рабочего и крестьянина, направляющийся против дворянского самодержавия, вместе с партией с.-р. и трудовиков, не отвергающий помощи либералов против царизма, одновременно борющийся против либеральной буржуазии, одновременно борющийся против партии с.-р., в рабочем классе и рабочем движении, и одновременно борющийся и с мелкобуржуазной партией меньшевиков в рабочем движении и внутри самой партии, — так складывалась тактическая линия нашей партии на протяжении всего периода буржуазной революции в стране. Эта тактика развилась в условиях побед и поражений, под'емов и отливов массового революционного движения.

1905—1907 г.г.—высочайший под'ем революции: партия большевиков постепенно добивается большинства, на лондонском с'езде она в большинстве. 1908—1910 г.г.— реакция, период идейно-организационного разброда, резкий упадок массового движения, партия опять в меньшинстве. 1912—1914 г.г.—под'ем революционного движе-

ния, движение идет к революции. Партия развертывает грандиознейшую работу; в результате, ликвидаторы (так назывались в тот период меньшевики) изгоняются со всех опорных пунктов легального движения, где не так давно они чувствовали себя полными господами.

Крах II Интернационала во время империалистской войны поставил партию большевиков в безмерно тяжелые условия. В труднейшей обстановке начала она собирание действительно революционных пролетарских элементов.

Партия быстро учла те изменения, которые произошли в общем положении (внутреннем и международном) в связи с империалистской войной. Она продолжала свою основную тактику предыдущих лет, но в то же время, в связи с изменившимися условиями, партия начала уже поворачивать острие своей борьбы против капитализма и выдвинула лозунг превращения империалистской войны в гражданскую. Под этим лозунгом она мобилизовала не только большевистские элементы внутри страны, но и последовательные революционно-пролетарские элементы в международном масштабе (в 1915 г. и в 1916 г.), — так называемая «левая Циммервальда». Этим уже закладывались первые камни в фундамент III Коммунистического Интернационала. И одновременно этот период (1914 — 1916 г.г.), был переходным моментом в постановке перед партией основных задач, к переходу к грандиозной эпохе, начавшейся свержением царизма в марте 1917 г. Этот момент начинает собой новый период в той маневренной войне, которую наша партия вела на протяжении многих лет своего существования.

С апреля 1917 г. партия вместо лозунга—буржуазно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства выдвигает, в связи с изменившейся обстановкой новый лозунг — социалистическая диктатура рабочего класса, поддержанного полупролетарскими слоями деревни, т.-е.

диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Против капиталиста и мелкого буржуа в городе, против помещика и кулака в деревне,—такова была общая тактическая линия партии. Это была линия перехода от капитализма к социализму, к непосредственному штурму, направленному против правительства капиталистов и помещиков, превращающегося с апреля по июль—август в явную империалистскую диктатуру. До октября 1917 года, партия прошла несколько этапов: сначала она терпеливо, упорно, напряженно и в то же время широко вела работу прояснения классового сознания в широких рабочих массах, откола пролетарских элементов от мелкобуржуазного оборонческого блока; затем, она напрягала всю свою энергию на внесение максимума организованности в стихийно поднимавшуюся на борьбу с правительством массу рабочих, солдат и крестьян и, наконец, она повела непосредственную подготовку к вооруженному восстанию против правительства Керенского, завершив ее в октябре месяце блестящей победой. В течение того периода партии приходилось вести борьбу и против кадетской партии, главнейшей партии капиталистической контр-революции, и против мелкобуржуазного оборонческого блока меньшевиков и эс-эров, служивших подлую службу лакеев на запятках империалистской контр-революции Милюкова, Рябушинского, Гучкова и Корнилова. В октябре партия одна целиком брала власть в свои руки, она делала это, опираясь на рабочие массы, имея поддержку крестьянства в целом. В дальнейшем, в годы гражданской войны, перед ней, как главнейшая стратегическая задача, встала задача привлечения на свою сторону в борьбе с генералами, капиталистами и помещиками многомиллионной массы среднего крестьянства.

1918 г. вывел нашу тактику на поля гражданской войны, начав собой годы прямой вооруженной схватки со

всеми врагами пролетарской революции. Эта война велась по двум направлениям: против генеральских армий и против кулацких восстаний, руководимых белогвардейскими офицерами. Эта линия красной нитью проходит через все годы гражданской войны. Все эти обстоятельства усложняли общее соотношение сил, несколько видоизменяли основной маневр, не меняя его сущности, основного характера и главных линий удара. Брестский мир (март 1918 г.) был тоже маневр. НЭП опять-таки является не чем иным, как стратегическим маневром пролетарской революции в обстановке затягивающейся международной революции и при колоссальном разорении страны. Таким образом мы видим, что наша партия является единственной партией, имеющей исключительную по своему разнообразию опыта и сложности тактических проблем историю. В этом смысле можно утверждать, что грандиозный революционный опыт нашей партии имеет громаднейшее международное значение.

Это *первый ряд* тех общих вопросов, которые должны быть выделены при изучении истории Р. К. П.

Грандиозность той маневренной войны, которая велась нашей партией на протяжении десятилетий, это — одна сторона дела, другая состоит в том, что наша партия развилась в стране, исторический путь которой имеет много своеобразных черт.

Россия вступила на путь капиталистического развития в такой период, когда капитализм в Европе уже подходил и даже непосредственно начинал организацию высших форм капиталистического развития; — эпоха империализма или финансового капитала.

Страна была экономически отсталой, с гигантским преобладанием крестьянского населения (в начале 900-х г. г. доход на душу населения в России был в три раза

ниже, чем в Германии), туземное накопление капитала развивалось слабо, иностранный капитал (заграничный кредит) играл в промышленном развитии страны крупную роль, а одновременно с этим возникали и развивались высшие формы капитализма (финансовый капитал), росли заводы-гиганты с количеством рабочих свыше 5 тысяч. Сравнивая Англию XVII века с Россией конца XIX века, М. Н. Покровский говорит: «Там буржуазия держала в руках кошелек правительства, у нас последнее держало в руках кошелек буржуазии». Наряду с этим существовал в стране относительно многочисленный, сконцентрированный на крупнейших, последней европейской формации предприятиях промышленный пролетариат. Многочисленное крестьянство было опутано и закабалено пережитками крепостничества. «Самым могучим оплотом всего этого варварства» являлось царское самодержавие. В этом лежали корни той тактики, которая в течение всего периода буржуазной революции проводилась Р. К. П.

Борьба с царизмом и с буржуазным либерализмом, крестьянство, как единственный союзник в борьбе с самодержавно-крепостническим порядком, союз пролетариата и крестьянства в качестве силы, единственно способной довести до конца буржуазную революцию, которая «в известном смысле... более выгодна пролетариату чем буржуазия» (Ленин),— вот главное направление нашего маневра в эпоху буржуазной революции, которое строилось на действительном учете соотношения классовых сил в стране. Это *второй ряд* общих вопросов, теснейшим образом связанных с историей Р. К. П.

Из двух первых построений, как вывод, вытекает то обстоятельство, что весь исторический путь развития пролетарской партии в России следует рассматривать,

как единый процесс развития единой партии, прошедшей через различные стадии перехода от крепостничества к капитализму и от капитализма к социализму, и в силу этого естественно разбивающийся на три периода,—история социал-демократии (до нач. 900-х г. г.), история большевизма (пятнадцатилетие от 1903 до 1917 г.г.) и история Р. К. П. (большевиков). И дело тут не в названии, а в смене исторических эпох, каждая из которых имеет *новое соотношение класовых сил* и тем самым обусловливает изменение ближайшей цели, т.-е. основного для данного периода стратегического плана. Но на протяжении всей своей истории партия имеет единую конечную цель борьбы—к коммунизму, через диктатуру пролетариата.

Это *третий ряд* общих вопросов, разрешение которых облегчает понимание истории Р. К. П.

Наконец, *четвертый ряд* вопросов, на которых я остановлюсь в настоящей статье, это — вопросы, связанные с пятнадцатилетней борьбой большевиков с меньшевиками (до Февральской революции 1917 г.).

История этой борьбы выдвигает вопрос об основах того расхождения между этими двумя партиями, который подводит нас вплотную к вопросу о диктатуре революционных классов.

Расхождение, как известно, началось с организационных вопросов. На протяжении всех пятнадцати лет меньшевики выступают с *планами создания «широкой» партии*, с облегченным доступом в нее мелкобуржуазным элементам, т.-е. фактически стояли за такое построение партии, которое лишило бы ее возможности непосредственно руководить массовым натиском пролетариата на позиции своих классовых врагов.

Сам Мартов констатировал это обстоятельство в следующих выражениях; он говорил, что в основе подобных

организационных проектов лежало признание того, что «непосредственное практическое руководство выступающими в событиях массами не может и не должно быть обязательной задачей партии» («Общественное движение» т. 3, кн. 5, стр. 549).

И ясно, что так поставленный спор корнями своими уходил, несомненно, в вопрос о признании революционной диктатуры. Ибо ежели партия ставила перед собой задачу завоевания власти, захвата государственного аппарата, то она должна была и строиться таким образом, чтобы быть способной руководить фактически всеми революционными массовыми выступлениями, вплоть до вооруженного восстания. А ежели она от этого на деле отказывалась, то само собой разумеется, что это было не чем иным, как отказом от диктатуры революционных классов. И, следовательно, когда на II с'езде партии в 1903 г. шли споры о параграфе 1-м — «устава партии», то это по сути дела было спорами о том, — сумеет ли партия повести на деле рабочие массы к завоеванию власти, т.-е. к диктатуре пролетариата. Отказ от диктатуры был отказом от социализма, прямой изменой делу коммунистической революции.

Тактические взгляды меньшевизма, то же самое в конечном итоге покоились на отказе от учения Маркса о диктатуре. Нет надобности следить за всеми изменениями тактических лозунгов меньшевизма на протяжении пятнадцати лет, прошедших от II с'езда до Февральской революции. В период буржуазной революции они сводились к постановке задачи об'единения всех сил национальной оппозиции против царизма, т.-е. к фактическому отказу от гегемонии пролетариата в революционной борьбе.

Все это в полной мере было подтверждено действиями меньшевиков после Февральской революции и борьбой

против правительства пролетарской диктатуры после октября 1917 года.

Это — *последний ряд* общих вопросов, понимание которых должно каждому члену партии дать возможность правильно взвесить и оценить каждый факт двадцатипятилетней истории нашей партии.

III.

ИСТОРИЯ БЕЗ „ФИЛОСОФИИ".

(По поводу книги В. Невского).

Вопросы истории нашей партии привлекают в настоящее время исключительное внимание. И это интерес не только теоретический, но имеющий глубочайшее практическое значение, ибо история Р. К. П., это—гигантский концентрированный опыт классовой борьбы, медленных под'емов, крутых поворотов, наступлений и отступлений, побед и поражений, сочетания различных приемов действия и т. д.

История нашей партии поистине есть история грандиознейшей маневренной войны. И вполне естественно, что всякая работа по истории партии вызывает повышенный интерес, который к весьма многому обязывает и весьма многого требует. И требует, прежде всего, чтобы давалось не только изложение фактов, не только описание, как развивалась партия, но анализ этого развития, обнаружение его закономерности, т.-е. давалась бы «философия истории». Эта тема о «философии истории» Р.К.П. с особенной остротой ставится выходом в свет книги В. Невского «Очерки по истории Р.К.П. (большевиков)».

Эта книга написана на основании не только обширного печатного материала, но и непосредственных архивных изысканий. Стоит только просмотреть данные в приложении библиографические обзоры, чтобы сразу же

убедиться, что в книге тов. *Невского* мы впервые имеем попытку дать «Очерки истории Р. К. П.» на основе того исторического материала, который накоплен Истпартом за последние 4 года. Тем выше требование к такой книге. Тем большего в праве ждать от нее наш читатель и наша партия. В такой книге должен быть не только материал, не только описание, но и систематизация фактов, анализ, теория, обобщение, устанавливающие основную линию развития партии, ее периоды, этапы, вехи. Отказ от этого неизбежно превращает книгу в складочное место для исторического материала. Недоговоренность, неясность, путаница в этом отношении — чрезвычайно понижают ценность книги. И особенно, если автор книги сознательно идет на почти полный отказ или обнаруживает колебание в этом отношении, — тогда неясность и даже путаница неизбежны. Книга *В. Невского* является в этом отношении ярким примером. Тов. *Невский* пишет не историю социал-демократии, а историю Р. К. П. и в то же время он не дает себе труда охватить единым пониманием всю массу фактов и событий истории партии за 40 лет ее существования (если считать с 1883 года, т.-е. с группы «Освобождения труда»).

Единственное замечание, относящееся ко всей сорокалетней (по меньшей мере) истории нашей партии, имеется в самом начале введения. Введение начинается утверждением, что «Наша партия развилась и выросла из левого крыла развития социал-демократической рабочей партии, а левое крыло, в свою очередь, было только частью большого политического образования, вполне оформившегося и сложившегося уже в начале первой четверти XX века». Из этого положения вытекает такая схема: 1) до «начала первой четверти XX века возникла и к этому началу «вполне» оформилось и сложилось некоторое «большое политическое образо-

вание», 2) частью этого «политического образования» было «левое крыло российской социал-демократической рабочей партии» и 3) из этого «левого крыла» развилась и выросла «наша партия». Тотчас же вслед за выше цитированным положением *В. Невский* раз'ясняет его следующим образом: «Стало быть, чтобы понять и изучить те источники, откуда начинается могучее идейное течение, вылившееся, в конце концов, в то, что мы называем коммунистической партией, точнее, чтобы определить те течения и направления революционной мысли, которые могли и должны были пойти особым потоком, превратившимся, в конце концов, в могучую коммунистическую струю, необходимо обратиться к изучению тех условий и причин, в каких и по каким развивалась российская социал-демократия». Отсюда можно сделать тот вывод, что российская социал-демократия является тем «источником», откуда вылилась, в «конце концов», коммунистическая партия. Если отбросить в сторону нарочито таинственную манеру, которой придерживается в цитированном изложении *В. Невский*, то в результате такой расшифровки получится *следующее:* в начале нынешнего столетия вполне оформилось и сложилось то, что называлось *российской социал-демократической рабочей партией*, из этой партии в начале XX века вырос большевизм — *большевистская партия* и, наконец, из большевистской партии, в конце концов, вылилось то, что мы называем коммунистической партией, точнее *Р. К. П. (большевиков)*. Эта схема развития коммунистической партии в России совершенно точная, ясная и понятная, не знаю только, зачем тов. *Невскому* понадобилось путать ее своей туманной терминологией вроде «большое политическое образование», «левое крыло» и т. д. Но тов. *Невский* не ограничивается тем, что путает своего читателя туманной терминологией. Он сбивает его

окончательно с толку тем, что в конце своей книги самым энергичным образом возражает против подобного деления истории нашей партии на периоды и даже больше того,— вообще не считает целесообразным деление истории партии на периоды, а в довершение этого придерживается той схемы развития российской социал-демократии, которая дана была *В. И. Лениным* в «Что делать». Остановимся на этом подробнее. На стр. 519 книги тов. *Невского* читаем: «Мы поэтому считаем неправильным деление истории нашей партии на те три периода, которые предлагает тов. Бубнов». А следует сказать, что в своей брошюре «Основные моменты в развитии коммунистической партии в России» я установил *деление нашей партии на те три периода, которые получились в результате моей расшифровки неясных положений тов. Невского.* И раз *В. Невский* возражает против моих трех периодов, то, естественно, он должен возражать и против моей расшифровки. Отсюда же должен быть сделан один единственный вывод, а именно, что *В. Невский* отказывается от того, чтобы единым пониманием, как я уже говорил, охватить всю историю нашей партии.

Почему же, спрашивается, тов. *Невский* считает неправильным то деление нашей партии на 3 периода, которое было дано в «Основных моментах развития Р. К. П.». «Мы делим,—пишет он,—историю нашей партии на периоды, как их наметил *В. И. Ленин* в послесловии в известной книге «Что делать». Думается, что деление научно оправдывается и подтверждается историей нашего хозяйства и рабочего движения». В дальнейшем *В. Невский* кратко мотивирует указанное деление и делает вывод, что в силу этого мое деление «Истории партии» на 3 периода неправильно (он так и пишет: «Мы *поэтому* считаем неправильным и т. д.»). Но ведь «Что делать» было написано в начале 1902 года и тов. *Ленин* мог гово-

рить, естественно, только о промежутке времени до 1902 года т.-е. только об истории социал-демократии. Мы же в настоящее время имеем позади себя по меньшей мере 40 лет партийного развития, имеем коммунистическую партию, уже в течение более чем 6-ти лет держащую государственную власть в своих руках; да и сам *В. Невский* пишет *не историю социал-демократии, а историю Р. К. П. (большевиков),* т.-е., очевидно, предполагает довести ее до нашего времени. И совершенно непонятными являются те мотивы и соображения, по которым *В. Невский* противопоставляет ленинское деление истории социал-демократии до 1902 года тому делению, которое охватывает всю историю нашей партии от половины 70-ых годов до последних лет. Кроме неясностей тов. *Невский* допускает массу небрежностей. Он пишет про меня: «Он в своих «Основных моментах развития коммунистической партии» 3 первые ленинские периода об'единяет в один (1883—1903 г.г.), считая, что весь этот период есть развитие от народнического кружка к социал-демократической партии». Во-первых, неверно, что я беру время с 1883 г.,— первый период, согласно моей схеме, охватывает время с половины 70-х годов и до 1903 года; во-вторых, я говорю не о развитии «от народнического кружка к социал-демократической партии, а текстуально следующее, — «От рабочих кружков, организуемых народниками во второй половине 70-х годов, от «Северно-Русского рабочего союза»—этой первой самостоятельной рабочей организации, через группу «Освобождения труда» 80-х годов, через «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» и I с'езд социал-демократических организаций России — к «Искре» и II с'езду партии — так шел путь от рабочего кружка к социал-демократической партии». (Стр. 16, Госиздат 1921 г.) Сравнивая период 1894—1898 г.г. с периодом 1898—1903 г.г.

В. Невский спрашивает — «Как же возможно смешивать такие два резко различные периода». А кто же их «смешивает», спрошу я в свою очередь тов. *Невского*. Я, во всяком случае, в этом грехе совершенно неповинен, ибо я не смешиваю этих периодов, а утверждаю, что время от 70-х годов до 1903 года представляет из себя единое целое, входящее как часть в историю развития коммунистической партии в России. И при этом я в своей брошюре не только не отрицаю возможности установить ряд этапов в партийном развитии за этот период, но в своей брошюре даю достаточно точные указания на то, как эти этапы я себе представляю. И таким образом все возражения, выдвинутые тов. *Невским* против меня в этом пункте, являются или недоразумением или небрежностью. Довод же, что *с 1903 до 1917 года это период большевизма,* явление, какого не знал период с 1883 до 1903 года *мало убедителен*, потому что, если внимательно просмотреть работу *Ленина* «Что такое друзья народа» и «Задачи русских социал-демократов», то и там можно найти (и они есть) зачаток позднейших взглядов *Ленина,* который ведь и является наилучшим выразителем большевизма» [1]), — так пишет *Невский,* продолжая свои возражения против утверждения, что время с половины 70-х годов до 1903 года является некоторым совершенно законченным периодом в развитии нашей партии. И здесь тов. *Невский,* который на словах хочет следовать в своей истории схемам партийного развития, установленным *Лениным,* на деле выступает против того понимания истории Р. К. П., которое было развито вождем большевизма. *В. Невский* берет «Что делать», но в то же время он по совершенно непонятным причинам проходит мимо еще одной работы *В. И. Ленина,* в которой он весьма под-

---

[1]) Курсив везде в тексте мой. *А. Б.*

робно останавливался на вопросах Истории нашей партии,—я имею здесь в виду книгу *Ленина* «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Мне кажется, что если бы тов. *Невский* при установлении своих периодов принял во внимание то, что Ленин писал в этой книге об истории большевизма, он бы, думается мне, не рискнул бы выступить с цитированным выше положением.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» *В. И. Ленин* время с 1903 по 1917 год выделяет как особый период в истории нашей партии. «Большевизм существует, читаем мы на стр. 9, как течение политической мысли и как политическая партия, *с 1903 года*». На следующей странице это же положение повторяется в такой формулировке: «С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе марксизма»; и несколькими строками ниже — «с другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе *большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903 — 1917) практическую историю,* которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете». По *Ленину* большевизм, «как политическая партия» возник в 1903 году и его «практическая история» измеряется пятнадцатилетним периодом с 1903 по 1917 г.

Таким образом мало убедительный для *В. Невского* довод, «что с 1903 до 1917 года это период большевизма» он может найти в цитированной выше книге *Ленина.* И для меня совершенно непонятно — в силу каких соображений *В. Невский,* приступив к написанию книги по истории Р. К. П. (б) (а не только Р. С. Д. Р. П.), ограничился использованием исторических указаний *Ленина,* изложенных им в «Что делать» и не принял во внимание подобных же указаний в «Детксой болезни... Я уверен, что, если бы он это сделал, то ему, пожалуй, не при-

шлось бы спорить против моих «трех периодов» и не зачем бы было противопоставлять их периодам, намеченным *В. И. Лениным* в 1902 году.

Но тов. Невский повинен не только в том, что он слишком узко понял свою задачу, как историка партии, и не использовал всех исторических указаний *В. И. Ленина,* а также и в том, что он чересчур формально отнесся к целому ряду ленинских положений.

Он берет три периода: 1884—1894 г.г., 1894 — 1898 г.г. и 1898 — 1903 г.г. Но ведь это лишь рамки. Сам *В. Невский* первый период начинает с 1883 г. (гр. «Освобождение Труда» выступила в 1883 году), а *В. И. Ленин в* статье «О нарушении единства, прикрываемом криками об единстве» за третий период берет в рамках 1895 — 1903 г.г. В этой статье мы читаем: «именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелко-буржуазно-интеллигентское крыло социал-демократии, начиная с «экономизма» (1895 — 1903), продолжая «меньшевизмом» (1903 — 1908) и «ликвидаторством» (1908 — 1914 г.) (см. *Н. Ленин.* Собр. Соч., т. XII, ч. II стр. 460). Почти то же самое повторено В. И. Лениным в статье «Идейная борьба в рабочем движении» (см. т. XII, ч. II, стр. 466 — 467). Суть вопроса не столько в рамках, сколько в содержании каждого периода, в том основном характерном, что данный период отличает от другого, предшествующего и последующего. И в этом отношении стократ был прав тов. *Зиновьев* в своей «Истории Р.К.П. (б-ов)й, когда он, говоря о датах, с которых можно *формально* начинать историю нашей партии, замечает: «Я нарочно привел целый ряд дат, желая показать, что важен не формальный второстепенный вопрос — 20 или 25 лет а тот факт, *как в живой действительности складывается партия*». (См. *Г. Зиновьев.* История Р. К. П. (б.), стр. 19—20), т.-е. добавлю я, как происходит соединение

рабочего движения с коммунистической теорией, которое и есть образование коммунистической партии.

Что является основным для *первого периода?* А именно то, как читаем мы у *Ленина*, что «социал-демократия» существовала без рабочего движения, переживая как политическая партия процесс «*утробного развития*», т.-е. это период *зарождения социал-демократии*. В 70-х годах не имелось ни рабочего движения, ни революционной пролетарской теории (в России), а следовательно и не могло быть и не было социал-демократии. В 80-х годах появилась первая социал-демократическая программа, но рабочее движение отсутствовало, а поэтому социал-демократия переживала лишь «процесс *утробного* развития».

Далее, второй период, — «социал-демократия, пишет *Ленин*, появляется на свет божий, как общественное движение, как под'ем народных масс.

Именно в этом характернейшее для периода 90-х г.г.

И, наконец, третий период. О нем *Ленин* пишет так: «Это — период разброда, распада, шатания. В *отрочестве* бывает так, что голос у человека ломается, вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос»...—«Но, продолжает *Ленин*, брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед».

Третий период был ведь не только периодом «экономизма», но и периодом «Искры» и подготовки II с'езда. И мы знаем, что именно «громадные шаги вперед», которые делало «само движение» и обусловили собой победу «искровства», которое отражало этот громадный под'ем движения. В этом основное в периоде начало 900-х годов (до революции 1905 — 1907 г.г.).

В. Невский берет деление *Ленина* истории русской социал-демократии на три периода слишком формально.

На стр. 541 своих «Очерков» тов. *Невский* пишет: «...изучать историю партии, деля на периоды, указанные *Лениным удобнее* потому, что это *естественное деление*, потому что, деля именно так, можно яснее и лучше оттенить как раз именно революционную струю социал-демократии уже в ранний период ее существования в девяностые годы, а это и нужно сделать, *чтобы показать, что большевизм не выдумка праздных голов, а естественное и неизбежное следствие революционного* массового рабочего движения».

Оказывается, что *В. Невский* делит историю социал-демократии на указанные периоды по трем соображениям: первое, потому, что в силу этого «*удобнее*» изучать историю партии, во-вторых, потому, что это «*естественное деление*» (что сие означает?) и в-третьих, потому что *В. Невскому* надо доказать, что «большевизм—не выдумка праздных голов» (кому это надо доказывать и зачем это историку *нашей* партии понадобилось заниматься подобным... времяпровождением).

Таким образом тов. *Невский* не только не дал единого понимания всей истории Р. К. П. (б) (от конца 70-х годов до последних лет), не только не сумел по существу использовать исторические указания *В. И. Ленина, но и* скатился к явно путанному подходу к вопросу о делении истории партии на периоды, которое он сам признал нужным.

Все это, несомненно, отразилось и на первом томе «Очерков по истории Р. К. П. (б.)», охватывающих время с 1893 по 1898 г. Не разбирая всего первого тома под этим углом зрения, ограничусь лишь несколькими примерами.

В книге дается история образования «Северо-русского рабочего Союза» (1877—1878 г.г.), выясняются роли и значения в нем *Халтурина и Обнорского*, но читатель

не найдет здесь выяснения связи этой замечательной рабочей организации 70-х г.г., не вообще с рабочим движением, а с рабочим движением конца 70-х г.г. Ведь «Союз», возник на почве первого массового всплеска рабочего движения, который отмечен такими знаменательными стачками, как стачки на Новой Бумагопрядильне (на Обводном Канале) в 1878 г. и в 1879 г. Распад Союза и уход Степана *Халтурина* могут быть понятны только из характера рабочего движения 70-х г.г., и странно читать утверждение, что «Союз» погиб жертвой провокации» (см. стр. 172). Разве только в этом было дело? И разве на таком об'яснении можно остановиться, особенно в книге, претендующей на столь крупный об'ем?

Далее, не дано сравнения движения 70-х годов с движением 80-х годов. Не проанализирована связь «Союза» с группой «Освобождение труда». Не выяснено,—почему в 80-х годах задача *создания пролетарской партии* была не осуществима. Не выяснено также, — почему гр. «Освобождение Труда» не смогла сыграть роли *практического организатора*. Здесь В. Невский выступает с довольно таки сомнительным об'яснением, — «непосредственная задача — создание партии в России из рабочих пока была неосуществима, так как главная организационная сила группы, Л. Дейч, был арестован», (см. стр. 192). Организационная связь и преемственность революционных организаций 70-х, 80-х и 90-х годов *В. Невским* установлена безусловно (здесь он имел возможность воспользоваться всем, что сделано Истпартом и его местными органами за четыре года), но органической связи между отдельными этапами в развитии партии за время, которое охвачено первым томом «Очерков по истории Р.К.П. (бол.)», тов. *Невский* не только не установил, но и даже как следует-то и не стремился к этому. Даже там, где он дает общие итоги (например, за период 1883—1894 г.г.

см. стр. 330 — 340), получается не картина того, «как в живой действительности складывается партия», а изолированные формулировки отдельных элементов процесса.

Ахиллесова пята книги *В. Невского* — это неумение его, как историка, от фактов итти к обобщениям, всю массу исторического материала охватывать единой схемой, осмысливающей данный исторический процесс, как единое неразрывное целое. Слабость *В. Невского* в этом отношении отражается также и при использовании им схем и теорий, которые он признает правильными, и им следует. Так, например, он берет замечательную теорию *Ленина* о привнесении «социал-демократического сознания» в рабочее движение «извне» и применяет ее в своем первом томе. В результате у него получается вульгаризация теории *Ленина*, в лучшем случае такое применение ее, которое полно противоречивых замечаний и характеристик.

«...Точно так же и в России,—писал *Ленин* в «Что делать»,—теоретическое учение соц.-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат мысли, у революционно-социалистической интеллигенции». В этом смысле гр. «Освобождение труда» по заслугам именуется родоначальницей нашей партии. Но отсюда вовсе не следует, что чуть ли не каждый интеллигент - народоволец второй половины 80-х г.г., нередко медленно и путанно переходящий к марксизму, является носителем «социал - демократического сознания». А ведь у *В. Невского* иной раз именно так и выходит.

Детальный разбор «Очерков по истории Р.К.П. (б)» не входит в мою задачу, в противном случае мне пришлось бы отметить еще не мало неправильных оценок, имею-

щихся в книге *В. Невского*. Я остановлюсь еще раз лишь на вопросе о «периодах».

История нашей партии распадается на три периода. Корни этого деления лежат в особенностях социально-экономического развития России. В отличие от стран Западной Европы, переживавших с 70-х годов XIX века эпоху так называемого *мирного развития* капитализма, Российское государство в эти десятилетия проходило через эпоху *революционного развития*. Я не имею намерения подробно останавливаться на этом. Все необходимое раз'яснение *В. Невский* может найти в моей брошюре «Основные моменты...» и в тезисах «25 лет Р.К.П.» (изд. Агитпропотдела Ц.К.Р.К.П. (б) в 1923 г.). Ограничимся лишь тремя цитатами.

Почему мы имеем единый процесс партийного развития, складывающийся из трех основных периодов»?

«Основные моменты...» отвечают на этот вопрос так: «Это развитие, как уже указано, прошло три основные момента и распадается на три периода. Всем им обще то, что партия на протяжении всех трех периодов неуклонно стояла на признании краеугольного камня революционного марксизма — революционной диктатуры пролетариата, имея конечной целью своей борьбы коммунизм, т.-е. общество, где не будет ни классов, ни государства. В этом смысле можно и должно говорить об единой истории коммунистической партии в России. Но в то же время каждому из трех основных периодов истории партии присущи свои особенности, которые делают каждый из предыдущих периодов подготовлением к следующему.

Особенности каждого из трех моментов в истории партии обусловливаются тем, что партии пролетариата на протяжении всей ее истории, от зарождения до последних дней, приходилось действовать в различные историче-

ские моменты перехода от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму, в зависимости от чего и менялись ближайшие задачи, стоящие перед пролетарской партией» (стр. 38).

А тезисы «25 лет Р.К.П.» конкретизируют эту схему следующим образом: «Р.К.П. в своем развитии прошла через три исторических периода: а) она оформилась до буржуазной революции, т.-е. возникла и действовала в полуфеодальном обществе; б) она, как вождь самого передового и революционного класса, шла во главе революционных сил, борющихся против самодержавно-крепостнического государства, т.-е. являлась активнейшим фактором в ходе буржуазной революции и в) доведя до конца буржуазную революцию, она подняла знамя непосредственной борьбы с капитализмом, и, вырвав власть у помещиков и капиталистов в октябре 1917 года, превратилась в правящую партию, строющую пролетарское государство». (стр. 3.)

И, наконец, сами эти три «основные момента» и три периода формулированы мной так:

«История коммунистической партии в России от ее зарождения до настоящего времени прошла три основные момента:

Первый — создание социал-демократической партии, как пролетарской партии, ставящей себе «ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой».

Второй — возникновение и развитие большевизма: борьба внутри с.-д. партии и рабочего движения двух тенденций, двух направлений, двух партий — революционной пролетарской и оппортунистической мелкобуржуазной, т.-е. подготовление элементов коммунистической партии, как партии, ставящей своей непосредственной задачей борьбу за социализм.

И, наконец, третий момент — образование коммунистической партии, борющейся за власть и строющей пролетарское государтсво.

В соответствии с этим развитие партии делится на три периода,—*первый* охватывает время от половины 70-х г.г. (1900) до 1903 г., *второй*—1903—1917 г.г. и *третий* период «начинается после Февральской революции и продолжается по настоящий день». (стр. 5.)

Кстати, для историка партии исключительный интерес представляют два *переходных* момента в истории Р.К.П., — первый — *зарождение большевизма* (примерно, годы 1900 — 1903) и второй — *зарождение Р.К.П. (б)* (примерно, годы — с конца 1914 по апрель 1917).

В. Невский не привел по существу ни одного аргумента против установленной выше приведенными цитатами схемы истории нашей партии. Сам же в своей книге фактически отказался от охвата единым пониманием всего громадного материала, составляющего в совокупности историю Р.К.П. Этим он и предопределил все те дефекты своей работы, на которые я указал в настоящем разборе.

Когда же будет написана настоящая история нашей партии? Когда налицо будет не только тщательно собранный и проверенный *исторический материал*, но и будут разработаны вопросы *методологии*, связанные с историей Р.К.П. И давно пора Истпарту, продолжая работу по собиранию и проверке материала, в качестве *очередной задачи* поставить перед собой разработку *методологии*. Этим же необходимо заняться и Институту *Ленина*. Тогда партия революционного пролетариата нашей страны будет иметь книгу, излагающую и об'ясняющую ее единственную в мире, замечательнейшую историю.

IV.

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В РАЗВИТИИ ПАРТИИ.

Величайшая способность Р. К. П. к сложному и в то же время смелому маневру, умение быстро учитывать соотношение сил и, учитывая, точно так же быстро менять тактику,—все это в максимальной степени сказывалось на агитации и пропаганде, сыгравших крупнейшую роль в истории наших побед, переходов от одних методов борьбы и лозунгов к другим, и в особенности в истории небывало подвижной, напряженной и кипучей гражданской войны последнего пятилетия.

Половина 90-х годов знаменует собой крупнейший перелом в развитии массового рабочего движения и пролетарской партии в России. Говоря словами Ленина, в это время «социал-демократия появляется на свет божий как общественное движение, как под'ем народных масс, как политическая партия».

Эти годы были периодом перехода от кружковой пропаганды к массовой агитации. В эти годы в обстановке первого массового под'ема рабочего движения окончательно складывались те приемы и формы просветительной работы нашей партии, которые в дальнейшем лишь несколько усложнились и стали более разнообразными. Подпольный пропагандистский кружок, полу-пропагандистская «летучка», «массовка», митинг, листок, листовка,

газета и небольшая брошюрка,—вот тот арсенал орудий и инструментов агитации и пропаганды, которые существовали на протяжении всей истории нашей партии, вплоть до того момента, когда пролетарская партия стала партией правящей, когда целям массового просвещения начал служить аппарат государства, когда появились органы «государственной пропаганды коммунизма».

Прекрасный пример пропагандистской и агитационной работы того времени дает нам Москва. Зимой 1891—1892 г. в Москве организуется первый марксистский кружок, который занимается почти исключительно изучением марксистской литературы. В сентябре 1893 года из этого кружка выделяется новый кружок для пропаганды среди рабочих (Мицкевич, Мандельштам, Винокуров и др.). Этот кружок организует, а затем и ведет пропаганду в нескольких кружках из рабочих механических заводов и железнодорожных мастерских. Программа занятия в кружках, как излагает ее С. И. Мицкевич, была такова: «Сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее беседа за беседой излагался I том «Капитала», при чем положение иллюстрировалось примерами из русской жизни и, таким образом, попутно рисовалось картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и пр. Потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которая может быть у нас совершена только рабочим классом». Одновременно распространялась и следующая литература: «Речь Петра Алексеева», «Речь Варлена», «8-часовой рабочий день» Плеханова, «Кто чем живет» Дикштейна, «Четыре речи петербургских рабочих на 1-ое мая», а также ряд

переводных брошюр Каутского, Шиппеля, Геда и Лафарга. Кроме этого, самими пропагандистами был написан ряд популярных брошюр. Часть брошюр была рукописная; «для переписки их, указывает тов. Мицкевич, образовался целый штат переписчиков-студентов, курсисток, рабочих. Среди переписчиков было даже двое городовых-родственников рабочих».

Московский кружок очень быстро перешел к агитации в массе.

Агитация велась через рабочих-членов кружков, а также устраивались специальные собрания человек в 15 — 20, «летучки». Первый листок был издан в феврале 1894 года по случаю стачки на заводе, кажется, Вейхельта. Московский кружок имел гектограф, с конца 1894 года мимиограф и маленький типографский станок. В 1894 г. организация окрепла: имелось несколько кружков с центральным кружком во главе; осенью 1894 года был организован женский кружок. В это время возникла даже мысль о создании своей собственной, конечно, подпольной рабочей газеты. В 1895 г. ко дню 1 мая было издано 3 листа, которые были широко распространены по заводам. 30 апреля была отпразднована маевка, — собралось около 250 человек, представлявших до 30 заводов и фабрик; произносились речи, пелись революционные песни. В день 1 мая в празднование были втянуты довольно широкие массы в Сокольниках и на Девичьем Поле. Присутствовавшие на маевке 30 апреля рассказывали о ней рабочим, читали листки и т. д. «Слух о маевке, говорит тов. Мицкевич, разошелся по всему рабочему населению Москвы». Так велась агитация и пропаганда в 90-х годах. Как ликвидировали свою общую и «политнеграмотность» передовые рабочие в подпольные времена — об этом рассказывает иваново-вознесенский ткач Федор Никитич Самойлов в своих «Воспоминаниях об иваново-

вознесенском рабочем движении». «Читал я, пишет он, во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике во время обеденного перерыва я забирался в шлихтовку, садился где-нибудь на окошке и, выпив вместо обеда стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работ». Чтение это продолжалось и дома, при чем условия для чтения на дому были, мягко выражаясь, малоподходящими, — «квартирантов, рассказывает Самойлов, было всего человек около 15-ти, помещались они все в одной средней величины комнате, — мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые спали на полу подряд». При чем против этого вечернего чтения восставали все сожители тов. Самойлова.

Пусть нынешняя рабочая молодежь внимательно прочитает книжку тов. Самойлова. Она тогда ясно поймет, сколько настойчивости, выдержки, упорного труда, даже героизма, требовалось в старые годы для того, чтобы их старшие товарищи могли хоть как-нибудь ликвидировать свою «политнеграмотность» и вылезти из вековой тьмы, в которой бесконечные десятилетия сиднем сидели их деды и прадеды.

Начало 900-х годов и особенно годы первой революции (1905—1907 г.г.) гигантски расширили общие возможности для работы партии. В условиях бурного потока отдельных и всеобщих забастовок, демонстраций, крестьянских «беспорядков», студенческого движения, солдатских восстаний, сливавшихся в один могучий массовый натиск против цитадели дворянского самодержавия, работа агитации и пропаганды развернулась небывало широко. Партия не только продолжала свою подпольную пропагандистскую кружковую работу, но она в полной мере использовала открывшиеся легальные возможности. Не только увеличилось до сотен тысяч и даже миллионов

количество прокламаций и листовок, выпускаемых партийными комитетами по всей России, но появились также и легальные социал-демократические газеты, которые, несмотря на все жандармские скорпионы, существовали на протяжении всех лет революции. Одновременно с этим развертывалась гигантская цепь митингов, лекций, диспутов и проч., и т. п. и т. п. Всем памятны гигантские тысячные массовки в лесах, в наших промышленных центрах. Всем памятны грандиозные массовые митинги на открытом воздухе, в театрах и даже в городских думах. Умение использовать самую микроскопическую зацепку для максимального расширения размаха работы в массах сказалось здесь в полной мере.

Избирательные кампании в государственные думы явились новой ареной, на которой чрезвычайно широко развернулась наша агитация. На предвыборных собраниях выступали с речами лучшие агитаторы и докладчики партии. Во время самих выборов пускались в ход самые разнообразные средства, дабы выбросить тот или иной революционный лозунг. Например, во время кампании во II Думу в Москве были использованы разноцветные воздушные шары, к которым прикреплялись небольшие плакаты с революционными лозунгами. Такой шар, поднявшись над улицей, был абсолютно недосягаем для тут же стоящего «господина городового». Годы реакции опять вплотную почти вогнали нас в подполье. Но и здесь, в этих поистине каторжных условиях после-революционной реакции, бегства из партии интеллигенции, всеобщего маразма и организационного разброда, партия большевиков нашла в себе силы терпеливо и упорно налаживать дело революцонной агитаци и пропаганды. Были использованы в этих целях профессиональные союзы, клубы, кооперативы. Удавалось иногда выпускать небольшие журналы,

и даже иногда использовать легальные газеты. Одновременно с этим в подполье попрежнему шла кружковая пропагандистская работа.

Здесь к слову сказать, большевикам пришлось поломать не мало копий в жестокой борьбе с меньшевистским оппортунизмом и подлейшим ликвидаторством. Революционный под'ем, широко развернувшийся с 1912 года, снова придал агитации широкий размах. На этом периоде нет надобности долго задерживаться: эпоха «Звезды» и «Правды» широко известна не только русским, но и международным рабочим. Если «Искра» в начале 900-х годов была газетой широкой политической агитации (я не касаюсь здесь гигантской организующей и организационной работы «Искры»), то «Правда» имела аудиторию в несколько десятков и, может быть, даже сотен раз более обширную. Ежедневно «Правда», как гигантский кузнечный мех, раздувала могучее пламя революционного энтузиазма и классового сознания широчайших масс рабочего класса России. Центром, редакцией, сотрудниками, партийными организциями и передовыми рабочими в организационной работе «Правды» были проявлены настойчивость, неутомимость и ни с чем несравнимое упорство. В этом деле наша партия с ее характерными особенностями отразилась так же, как солнце отражается в капле воды. Эпоха «Правды» была залогом того, что партия, ее создавшая, способна на великое историческое дело. В Москве, несколько позднее «Правды, организуется газета «Наш Путь».

«Правда» умела вести самые разнообразные кампании. Вот, например, данные о числе групп рабочих подписчиков: за 1912 год — 620 групп, за 1913 год — 2.181 гр., за 1914 год (с 1-го января по 13-е мая) — 2. 873 группы, а за все время 5,674 группы. Размер сборов на «правдистские» газеты выражается в следующих цифрах: за время

с 1-го января по 13 мая 1914 года по всей России число сборов 3.586, собрано 21.584 руб. 52 коп.; из них на Петербург приходится 15.200 руб. 16 коп., на Москву 1.125 руб. 1 коп. и на провинцию — 5.208 руб. 65 коп. В конце 1913 года—в начале 1914 года велась кампания в связи с расколом с.-д. думской фракции на «шестерку» (большевистскую) и на «семерку» (ликвидаторскую). О том, как «Правда» умела ставить такие кампании, говорят следующие данные о числе резолюций с подписями (за «шестерку»): в Петербурге — 5.003, в остальной России — 1.511, на Кавказе — 208, а всего 6.722 подписей. Я уже не говорю здесь об агитационных кампаниях (в связи с забастовкой или каким-нибудь выступлением, или какой-либо кампанией), — здесь «Правда» обнаруживала и кропотливую подготовку и широчайший размах. Безмерно тяжелые и трудные годы империалистской войны оборвали всю эту работу партии. За эти годы партийная работа потерпела значительное сокращение, но, несмотря на это, оправившись, партия и в этих тягчайших условиях применяла в своей агитации и пропаганде прежние методы, приемы и формы. Партия использовала в целях агитации против войны, например, кампанию выборов в военно-промышленные комитеты. Одновременно шла подпольная пропагандистская работа в кружках и обычная «листковая» агитационная работа в массах. После Февральской революции 1917 года партия большевиков развернула небывалую по напряженности и размаху агитационную работу. У всех еще в памяти этот всесокрушающий агитационный натиск, соединенный с терпеливой работой по прояснению классового сознания рабочих масс, по отколу революционных пролетариев от мелкобуржуазного оборонческого блока меньшевиков и эс-эров, тянувших массы на поддержку империалистских планов капиталистов и помещиков. Октябрьская победа дала в руки большевистской агита-

ции и пропаганды всю мощь и все средства государственного аппарата.

Период военного коммунизма выдвигал совершенно законченный тип агитационно-пропагандистской работы. Основной задачей времени была военная задача. Основной чертой всей партийной работы была ударность. В соответствии с этим агитационно-пропагандистская работа того периода целиком покрывалась массовой ударной политической агитацией. Пропаганда играла подчиненную роль в отношении к массовой агитации. Вся гигантская способность партии к массовому действию, к умению сосредоточивать все силы на самой главной для текущего момента задаче — полностью обнаружилась в агитационно-пропагандистской работе периода гражданской войны. Все помнят ту изобретательность, нажим и гибкость, которые проявили органы партии в своей агитации на военных фронтах. Миллионы листков, агитационных плакатов, стенная газета, фронтовой театр, агитационные поезда, подвижные газетные типографии и т. д., и пр. и т. п. Немудрено, что из всех вопросов агитационно-пропагандистской работы VIII с'езд партии (в марте 1919 года) остановился лишь на одном вопросе,—именно на вопросе «о партийной и советской печати». Она обнаружила признаки ухудшения. Надо было в интересах всей партии и всего рабоче-крестьянского государства поставить ее на ноги. Пропагандистские мероприятия того времени служили лишь одной цели — молниеносной подготовке необходимейшего кадра партийных агитаторов и пропагандистов для массового обслуживания военных фронтов и бесконечных ударных хозяйственных кампаний («на топливо», «на транспорт», «против тифа», «против вши» и пр..).

Свердловский ун-т в то время был краткосрочными курсами для подготовки агитаторов. Его выпуски измерялись тысячами (в 1918 году — 2.000, в 1919 г. — 2.800).

На IX с'езде партии (в марте 1920 года) задачам агитпропработы было посвящено лишь несколько строк в резолюции «об очередных задачах хозяйственного строительства». Так как, утверждал раздел 19-й этой резолюции, «первым условием успеха Советской республики во всех областях, в том числе и хозяйственной, является систематическая агитация», то следует обратить внимание на положение печати и на совершенно недопустимое состояние нашей бумажной и типографской промышленности», от которой печать в первую голову зависит. В те времена массовая агитация нередко дополняла то, чего нехватало у тогда еще слабых органов рабоче-крестьянского государства. Целый ряд советских кампаний велся не только под общим руководством, но и под прямым воздействием, и при непосредственном участии всех органов партии. Рост партии за первые 1½ года гражданской войны («партийные недели») выдвинул задачу об использовании новых членов партии, которая была поставлена тов. Бухариным на партконференции в декабре 1919 года, как задача повышения уровня сознательности и политической подготовки массы членов партии. В тезисах указывалось, что в этом направлении должен быть принят ряд мер. В первую голову должны быть организованы элементарные лекции и кружки политической грамоты (то, что мы теперь называем школой политграмоты). Задача партийно-воспитательная тем самым начала выдвигаться, как важнейшая. X с'езд партии (в марте 1921 года) делает уже новый шаг вперед в этом направлении. Резолюция по вопросу «о партийном строительстве», принятая с'ездом, отмечала, что «поднятие уровня членов партии с одновременным привлечением их к активному участию в общепартийной жизни становится центральной задачей дня». Тут же весьма энергично указывалось на значение работы среди беспартийных масс.

Период Нэп'а с еще большей силой выдвинул эти задачи на первый план во всей системе партийной работы. Эти темы не так давно весьма усиленно разбирались на страницах наших газет и журналов, а поэтому я могу быть здесь кратким. Декабрьская всероссийская партийная конференция 1921 года в числе недостатков, «подрывающих сплоченность и единство партии», отметила также недостатки, зависящие «от слабости идейного воспитания и идейной спайки». Этим был дан еще новый толчек в том же направлении. XI с'езд партии (в марте 1922 г.) наметил целый ряд практических мероприятий.

Целый ряд постановлений в плоскости агитационно-пропагандистской работы, принятых в этом году, значительно дополнил и развил программу, намеченную на XI с'езде. С громадной остротой выдвинулась задача придания пропагандистской работе максимального размаха и глубины. Одновременно партия подошла вплотную к выработке плана агитационно-пропагандистской работы, который бы систематически проводился в жизнь всеми партийными органами, которым надлежит этим делом заниматься. Никогда еще партийно-воспитательная работа не выдвигалась с такой остротой, как в настоящее время. Партия должна считать ее задачей первейшей важности. Ликвидация политнеграмотности, улучшение постановки совпартшкол 1-й и 2-й ступени, расширение сети и улучшение организации коммуниверситетов, правильная постановка марксистских кружков, партклубов, коммунистического образования на дому, организация коммунистического просвещения по всей линии советских школ (особенно ВУЗ'ы, особенно школы фабзавуча и школы для взрослых), всемерная поддержка делу печати, которая за последние месяцы во всех отношениях улучшилась, непрерывное внимание к делу советско-партийной журналистики, дальнейшее развитие издательства, переход от

массовой агитации к массовой пропаганде, усиление внимания на политической агитации и, наконец, превращение агитпропов в мощные партийные органы,—вот перечень задач, которые должны быть уложены в настоящее время в единую систему агитационно-пропагандистской работы. Нынешний год должен быть годом систематически-партийной учебы и массовой пропаганды. Этого требуют интересы партии и интересы рабочего государства.

V.

СТРОИТЕЛИ.

В этих строках я расскажу о тех, кто нашу партию строил, создавал остов партии и ее первые рабочие кружки и группы, связывал их в повседневной работе с массами и с громадным, ежесекундным риском закладывал основы организации ее вооруженных сил, организуя ее боевые дружины. Я не хочу брать сухие исторические факты, даты и соображения, я возьму живых доподлинных строителей истории нашей партии, с которыми мне лично довелось встретиться. И не потому, и все члены партии и рабочая масса, должны вспомнить их в день великого юбилея, что они так много сделали для партии, для рабочего движения, — это, конечно, своим чередом, — **а** потому, что те, о которых будет здесь рассказано, замечательны, прежде всего, как исключительно *яркие представители главнейших моментов работы партии.* Это три замечательных российских пролетария: один из первых социал-демократов в России, ткач Федор Афанасьев («Отец»), широко известный по летней Иваново-Вознесенской стачке 1905 года, Евлампий Дунаев («Александр») и совсем не известный начальник боевой дружины иваново-вознесенской, а потом шуйской соц.-д. организации Иван Уткин («Станко»). Петербургская работница В. Карелина в своих воспоминаниях о с.-д. работе начала 90-х годов говорит о Федоре Афанасьеве: «замечательный

это был человек», «он, как практик и организатор, был выдающимся человеком». И, действительно, ткач Федор Афанасьев был замечательным организатором. Мне пришлось встретиться с ним летом 1905 года во время большой Иваново-Вознесенской стачки. В это время иваново-вознесенская группа северного комитета была переименована в иваново-вознесенский комитет партии, Афанасьев входил в его состав. Он был тем центром, к которому сходились все связи, имевшиеся тогда у организации, он был главный конспиратор, который внимательно следил за тем, чтобы в этом отношении не было допущено никаких промахов и ошибок. Уже несколько позднее мне вспоминается, как, ни говоря никому даже из членов комитета он устраивал в секретном месте в лесу нечто в роде секретного архива. Во всей его работе, конспиративных привычках, какой-то удивительной об'единяющей всех манере действовать и убеждать, сказывалась многолетняя подпольная выдержка стариннейшего пионера рабочего движения. С его знанием, опытом и умением подходить к каждому человеку, мне самому пришлось познакомиться непосредственно. В конце стачки и сейчас же после нее, Афанасьев устраивал и проводил целый ряд «летучек», на которых он собирал человек по 20 — 30 рабочих и работниц, как Иваново-Вознесенска, так и близлежащего села Кохмы. Довольно часто на эти летучки водил он меня, заставляя обосновывать, главным образом, отдельные требования нашей программы-минимум (о 8-часовом рабочем дне, о косвенных налогах, о демократической республики в связи с государственным устройством стран Западной Европы и т. д.). По городу мы шли с ним всегда на некотором расстоянии друг от друга, он впереди, я сзади; за городом, в лесу шли уже вместе. И тут «Отец» вел всегда со мной разговоры на самые разнообразные партийные темы. Этот человек не один

раз держал в своих руках «Капитал», он очень хорошо знал марксистскую литературу, имел также знания в самых разообразных областях, и в области истории культуры, и естествознания, и русской литературы. На летучках, он уже в качестве массовика, ставил различные вопросы, наталкивая ими на такие раз'яснения, которые были безусловно необходимы и полезны всем прсутствующим. Иногда вопросы эти были весьма затруднительные и тогда сам «Отец» приходил мне на помощь, не ставя меня в неловкое положение перед аудиторией. Ткач Федор Афанасьев был тем доподлинным организатором, которыми крепка и жива партия пролетариата в России. Он был символом пролетарской выдержки, настойчивости, мудрого такта и организующей воли. 22-го октября 1905 года (по старому стилю) тов. Афанасьев был убит черносотенцами и казаками на реке Талке, близ Иваново-Вознесенска. Ночь его прах пролежал спрятанным в лесу, а рано утром на следующий день мы завернули его в красное знамя и похоронили тут же на берегу реки. «Через несколько дней, остервенелая черная сотня вырыла его оттуда, перенесла на кладбище, при так называемой «больнице чернорабочих», и положила его в могилу под крестом. В день великого юбилея красные пролетарские знамена должны склониться перед памятью об этом строителе нашей партии.

Евлампий Дунаев был сделан совсем из другого материала, но он также должен быть отнесен к тому славному поколению рабочих людей, которые нашу партию строили. Дунаев играл громаднейшую роль в большой Иваново-Вознесенской стачке. Он был типичный массовик, он был сама масса. Вместе с массой он колебался (примеров тому немало), вместе с массой поднимался в историческом развитии классового самосознания русского рабочего. Он превосходно знал массу, понимал ее, умел к ней подойти,

об'яснить ей на своем живом, образном, картинном и горячем языке то, что было непреодолимо трудно об'яснить подчас самому умелому, самому опытному, самому образованному агитатору. Я до сих пор помню его замечательные речи на многотысячных рабочих собраниях. 12-го мая, в первый день стачки на городской площади Дунаев произнес краткую речь. «Товарищи, — говорил он, между прочим, — вы ведь знаете — наши фабриканты, ведь они отцы наши, благодетели», и тут же, сделав маленькую паузу, он совсем другим голосом добавил — «кровопийцы, сукины дети». Рабочая масса сразу понимала живой и яркий смысл таких построений. 23-го июня, на общем собрании бастующих рабочих, на той же площади перед городской управой, Дунаев сказал так от имени всей массы рабочих, которая пришла, после полуторамесячной стачки, требовать хлеба и работы: «мы не можем дальше вести себя спокойно, видя как голодают наши дети, в то время, как виновники этого голода, наши хозяева, владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издевательства. Работы! Хлеба! Хлеба, или свинца!» Однажды на Талку к бастующим рабочим приехало начальство — полицеймейстер Иванов и фабричный инспектор Полубенин. Иванов с бочки стал призывать рабочих к порядку, пугая их и уговаривая. После него выступил Дунаев и сказал, обращаясь к рабочим: «Товарищи, здесь представитель самодержавного беспорядка призывал нас рабочих к порядку. Нас, которые именно добиваются того, чтобы на земле был настоящий порядок». Начальство, конечно, уехало не солоно хлебавши. Всем участникам стачки, наверное, памятно, как однажды на многотысячном собрании на Талке, во время же стачки, Дунаев с бочки руководил судом над напившимися пьяными несколькими рабочими. Так умело мог делать это

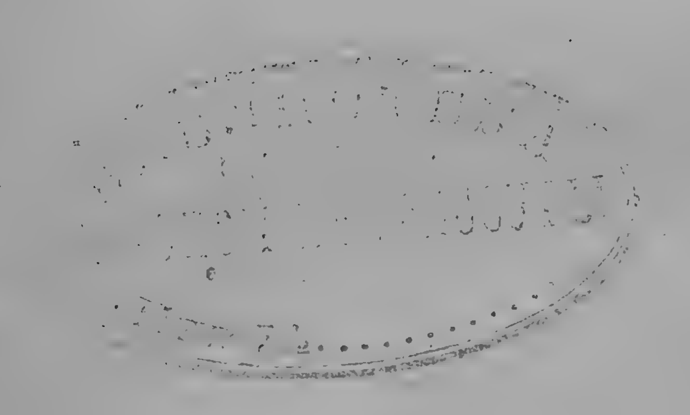
только человек, сам из рабочей массы вышедший и с ней теснейшим образом связанный. Популярность Евлампия среди рабочих иваново-вознесенской округи была колоссальна. Однажды Дунаев пошел во время стачки по каким-то делам в село Лежнево; сторож при волостном правлении, узнав, что этот небольшой, сухенький, рябой, с черной бородкой и в синей блузе рабочий, пришел из Иванова, спросил его, между прочим: «А Дунаева ты знаешь»? Евлампий ему на это ответил: «Да я сам Дунаев и есть». Тогда сторож расхохотался, махнул рукой и шутливо выругался, он не поверил, что такой замухрышка мог быть Дунаевым. Дунаев не сразу пришел к большевикам. На стокгольмском с'езде он был в большевистской части московской делегации и с тех пор до конца своей жизни твердо стоял в рядах нашей партии. Евлампий Дунаев был не только замечательным вожаком массовой борьбы, не только поразительным агитатором, но и изумительным рассказчиком и интереснейшим человеком вообще. О нем можно написать десятки, сотни, страниц и они будут читаться с захватывающим интересом. Дунаев умер от тифа в Нижнем-Новгороде, кажется, в 1920 году. В день великого юбилея красные пролетарские знамена должны склониться перед памятью этого строителя нашей партии.

И опять-таки совсем другого типа работником нашей партии был Иван Уткин. Он был членом первого совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, он принимал деятельное участие в Иваново-Вознесенской стачке, он выполнял разнообразные партийные обязанности, но не в этом была его особенность и его сила. Всю свою жизнь целиком Уткин положил на дело организации вооруженных сил партии, он был боевиком. «Станко», так он назывался в те времена, принимал участие в московском вооруженном восстании, неоднократно перевозил типографский шрифт и занимался транспортом оружия. Он

был долгое время начальником боевой дружины иваново-вознесенской партийной организации. Боевики охраняли митинги и массовки в лесах, нередко они патрулировали комитетские собрания, приходилось им также выполнять и непосредственную боевую работу. В Иваново-Вознесенске «Станко» стоял во главе этого дела, которое требовало громаднейшей выдержки, закала и исключительного мужества. Иван Уткин с исключительной преданностью, нужно сказать, любовью и настойчивостью работал над созданием иваново-вознесенской боевой дружины, устанавливал в ней должную дисциплину, организовал склады оружия и принимал руководящее участие в ее бывших выступлениях. В черные дни иваново-вознесенского погрома (22—25-го октября 1905 года) он не только принимал ближайшее участие в собирании разгромленной полицией и черносотенцами организации, но и с оружием в руках охранял собрания в лесах, обеспечивая своим патрулированием благополучное возвращение в город, в то время по ночам наполненный непрерывно раз'езжающими казачьими патрулями и постами городовых на каждом мосту и перекрестке. Когда революционное движение пошло на убыль и вооруженная борьба стала распыляться в отдельные партизанские выступления, Уткин был тем начальником боевиков, который вел беспощадную борьбу с бандитскими тенденциями в партийной боевой дружине. Его имя должно быть поставлено рядом с тов. «Камо» (Тер-Петресовым), стоявшим во главе кавказской боевой дружины. В конце 1906 года, в начале 1907 года иваново-вознесенскому комитету пришлось много потратить энергии на борьбу с элементами разложения партийных боевых организаций. Мне помнится, что шуйский комитет, входивший в состав иваново-вознесенского союза нашей партии, осенью 1906 года исключил из организации целый ряд

боевиков, заразившихся этим разложением. Мне пришлось однажды в те времена иметь по этому поводу разговор с тов. «Станко». Тогда за ним по пятам гонялись полицейские ищейки во главе с шуйским урядником Никитой Перловым (в которого в свое время, к сожалению, неудачно стрелял тов. Фрунзе). Встреча была организована в лесу около Шуи. Это был последний раз, когда мне пришлось увидеться с Уткиным; с тех пор я его уже не видал (вскоре он был арестован). Умение точно разобраться в создавшейся обстановке и колоссальная настойчивость сказались в Уткине здесь в полной мере; он в разговоре со мной развил целый план очищения дружины от уголовных и авантюристских элементов; он настойчиво доказывал, что необходимо всеми мерами стремиться к укреплению боевых сил партии, он рисовал план того, как можно организовать массовое обучение владеть оружием; он доказал, что дружину можно очистить, не распуская ее, что нужно привлечь новые силы к этой работе и что, наконец, можно сделать так, что разделенная на пятки и десятки дружина имела бы в своих руках оружие только тогда, когда это нужно для дела. Уже после от'езда Уткина из Шуи партийному комитету пришлось принимать в направлении реорганизации боевой дружины ряд мер. Ряд боевиков был исключен, многие указания тов. «Станко» пригодились Иван Уткин умер от чахотки в 1908 году на царской каторге. Из остатков наших славных партийных боевых дружин создалась после Февральской революции большевистская красная гвардия, она дала нам не одного искусного командира. Иван Уткин, если бы он дожил до эпохи гражданской войны, был бы, несомненно, в первых рядах наших боевых командиров. В день великого юбилея красные пролетарские знамена должны склониться перед памятью этого строителя нашей партии.

Эти три замечательных российских пролетария, о которых я рассказал здесь, являются лучшими представителями того славного поколения, которое нашу партию выпестовало. Их было не трое и не десяток, а многие сотни. Они создали нашу партию такой, какой мы ее знаем в последнее пятилетие, в дни великих испытаний, тяжелых поражений и блестящих побед.

СОДЕРЖАНИЕ

Ц. 20 коп.

09976

